

Л И М В

Анархические души

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

ELENA FILON

18+

серия «Психоназлы»

Елена Филон

Лимб. Анафемные души

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Филон Е.

Лимб. Анафемные души / Е. Филон — «ЛитРес: Самиздат», 2016

"Я – обречённая на вечное скитание в Лимбе душа, чьё существование покрыто вуалью тайны. Отчуждённая заблудшая, которая пытается не потерять остатки себя и даже не подозревает, что Лимб объявил на неё охоту, в то время, когда кто-то другой объявил охоту на Лимб. Его зовут Рэйвен. Он – мой палач, «поцелованный смертью», древний заблудший и просто чернорабочий выполняющий установку Лимба. Однажды наши дороги пересекаются. Что это: случайность, неизбежность, или же нечто большее? Нечто, способное положить конец существованию самого мира мёртвых".
Содержит нецензурную брань.

© Филон Е., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	51
Глава 9	54
Глава 10	59
Глава 11	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Елена Филон
Серия – «Психопазлы»
«Лимб. Анафемные души»

В оформлении обложки использованы фотографии с <https://unsplash.com/> по лицензии СС0.

Пролог

Один из секторов фантомов в этот раз принял очертание весьма необычного места.

Эта была маленькая Английская деревня с мощеными улицами, которые знать не знали, что такое шины автомобилей и мотоциклов. Эта старая деревня когда-то очень давно получила название Кловелли и была построена в расщелине крутого утеса, окруженного плотными лесистыми массивами опускающимися к морю. Узкие переулки были выровнены белыми домами, каждый из которых украшали красочные ставни. Тем, кто никогда здесь не был было сложно поверить, что это – деревня, и уж тем более рыбацкая. Скорее она похожа на курортный городок, или тихие улочки какой-нибудь европейской столицы, и здесь – в Лимбе, – без единого на них живого человека эта деревня казалась какой-нибудь декорацией к страшной сказке.

Отряд заблудших из мирного сектора именуемого Лютым городом, шагал по главной улице этой очаровательной, но фальшивой, как и всё в Лимбе деревеньке, и озирался по сторонам в поисках недавно появившейся здесь новенькой души.

Их было четверо и один проводник, шагающий во главе шеренги. Для отряда подобно этому – обычная работа вылазка в сектор фантомов принявший облик места смерти человека, душа которого попала в Лимб. Новенького заблудшего необходимо забрать из сектора фантомов до тех пор, пока он не натворил бед, и пока фантомы первыми его не обнаружили, не полакомились живой материей и не начали плодиться, как саранча. И так раз за разом... Заблудший погибает, отправляется в начальную точку на перерождение, фантомы вновь его находят и всё повторяется по кругу.

Чтобы этого не происходило и существуют отряды по зачистке секторов. Для этого существуют и проводники – единственные кому под силу найти окно в другой сектор, следовательно – и дорогу «домой». Но проводником ещё нужно стать, заслужить это выслугой долгих лет перед Лимбом, а также никогда не погибать в этом месте. Что не так-то просто.

Один из таких проводников сейчас шагал по центральной улице материализации английской деревни и был единственным, кто не вращал головой и не дёргался время от времени от каждого шороха, или шума разбивающихся о каменистый берег волн. Добровольцев на подобные вылазки не много, так что половина из его отряда ещё зелёные сопляки, которые верят, что огнестрельное оружие – действительно лучшая защита в Лимбе. Но это не так. Мысли – вот главное оружие Лимба. Мысли, которые умеют становиться материальными. Мысли, которые лучше держать в узде, если только не хочешь пригласить фантомов на ужин и подать им себя на блюдечке.

– Сколько он здесь? Что-то не внушает доверия, – доносился шёпот заблудших за спиной проводника, которых тот отлично слышал.

– Говорят около шестидесяти лет.

– Ага, а я тогда здесь сотню!

– Думаете, он вас не слышит, идиоты? – зашипела единственная в отряде женщина.

– Да плевать, – фыркнул парнишка лет восемнадцати. – Всё равно враньё.

– Не веришь? – усмехнулся мужчина постарше, шагающий в обнимку с дробовиком. – Говорят, его скоро к древним можно будет отнести. Эдак лет через двадцать. Но с такими перспективами, зуб даю, оочень скоро наш проводничёк не только идеальным заблудшим будет, но ещё и древним станет, как вон тот пень.

– Говорят, он пол Лимба обошел, прежде чем в Лютом городе засел.

– Ага, и говорят, типа бежал от чего-то.

– Или от кого-то.

– А ещё говорят, что он якобы с Лимбом общаться умеет, в это тоже поверите?

– Может и так, кто знает, как далеко у него за столько лет крыша уехала, – хмыкнул мужчина, поглаживая ствол дробовика.

– А ещё говорят, что у него символ «красного солнца» есть. На всю спину! – поиграл бровями парнишка. – Ещё и странный какой-то, что-то вроде на красную спираль похожее.

– Не мели чушь, сопляк! – загоготал мужчина с редкой бородкой, так что смех эхом прокатился по тесной улочке. – Это всё байки торговцев-кочевников про заблудших «поцелованных смертью». Или «помеченных смертью», один чёрт – враньё всё! Никто не может уйти из Лимба, вернуться к жизни, а потом попасть сюда снова. А если бы такие и были, на них клеймо вечного неудачника ставить надо, а не символ «спиралевидного солнца».

Мужчина с дробовиком вопросительно уставился на собеседника:

– То есть... в символ «спиралевидного солнца» ты всё же веришь?

– Не знаю, – фыркнул мужчина с бородкой. – Лично не видел. Но если он и существует, то точно не как награда для дважды залётных в Лимб пташек. Не много ли чести?

– А может у него и спросим, раз вы и так тут никого не стесняетесь? – вновь зашипела женщина, поглядывая на широкую спину игнорирующего их разговор проводника.

– Почему бы и нет? – хмыкнул мужчина с бородкой. – Эй, проводник, сколько ты здесь?!

– Ага. А он прям взял и ответил, – усмехнулась женщина. – Ещё про «тату» на спине спроси.

А проводник вдруг остановился, повернул голову на двадцать градусов вправо и негромким, спокойным голосом произнёс:

– Она здесь.

– Она? – женщина из отряда шагнула ближе, глядя на разбитую лодку у причала. – Душа?

– Девочка, – ответил проводник и, ускорившись, зашагал дальше.

Возле лодки с красной выцветшей краской, на гладкой гальке сидела девочка лет семи. Брызги морской воды ударили ей в спину, и с одного взгляда было не понять, от чего у этого ребёнка мокрые щёки. Но это были слёзы. Девочка плакала и крепко сжимала в кулачках подол красной юбки колокольчиком. Светлые хвостики намокли и свисали двумя невзрачными сосульками, розовая кофточка липла к худощавому телу, а на коленке красовалась большая ссадина.

– Ещё ребёнок, – женщина присела перед девочкой и ласково улыбнулась. – Всё хорошо. Мы тебя не обидим.

– Она ведь ещё ничего материализовать не успела? – обратился к проводнику мужчина с дробовиком и почесал затылок. – Надо бы сказать ей, чтобы это... ни о чём не думала, или как там нужно?

Но проводник не отвечал. Бесстрастно смотрел на ребёнка и уже думал над тем, как до прихода фантомов пройти к ближайшему окну в другой сектор. Остаться здесь и дальше – не безопасно. Солнце клонится к закату, скоро наступят холода, а вся фантомная масса сбегится сюда, как на маяк в океане, как только почувствует первую материализацию мыслей.

– Эй, как тебя зовут? – улыбалась девочке женщина, пробегаясь пальцами по её намокшим волосам. – Меня Урсула. Я тебе всё объясню, хорошо?

Девочка не отвечала, но с громким «Ик» прекратила плакать.

– Ты главное ни о чём не думай, – продолжала улыбаться Урсула. – Это... здесь это не безопасно. Твои мысли они... могут стать реальными, понимаешь? Так что постарайся вообще пока ни о чём не думать. Ты ведь знаешь алфавит? Конечно, знаешь. Просто повторяй его про себя постоянно, это поможет отвлечься.

– Надо уходить, – молодой парнишка кружился на месте и выглядел настороженно. – Не люблю красивые местечки, жутко как-то.

А проводник продолжал пристально смотреть в мокрое от слёз лицо ребёнка и по-прежнему не двигался.

– Слышь, проводник?! – воскликнул громче парнишка. – Эй! Рэйвен, или как там тебя?! Убираться, говорю, надо!

Проводник медленно перевёл на заблудшего бесстрастный, будто неживой взгляд и негромко ответил:

– Берите её. Идём к окну.

Урсула обнимала девочку за плечи и пыталась разговорить, пока отряд с новенькой заблудшей шагал по мощёной деревенской дороге к ближайшему окну в другой сектор.

– Не забудь закрыть глаза, – в третий раз напомнила Урсула. – При переходе через окно навсегда ослепнешь, если не закроешь глаза. Так что помни об этом. Ускоренной регенерации в этом случае не будет. Ах, да, регенерация... Я позже тебе это объясню.

– Кто этот мужчина с белыми волосами? – девочка впервые заговорила, и Урсула мягко улыбнулась ей в ответ.

– Это наш проводник. Рэйвен.

– Рэйвен?.. Разве вороны не чёрные?..

– Ну... – Урсула лишь пожала плечами на закономерный вопрос, ведь имя их проводника именно это и означает – «ворона». – Некоторые его так и называют – Белая ворона, только никому не говори, что я тебе сказала.

– Мне не нравятся его глаза, – пухлые губки девочки вновь дрожали от накатывающих слёз.

– Почему? – удивилась Урсула.

– Они чёрные.

– Окно! – объявил проводник, пропуская отряд и новенькую заблудшую вперёд.

– Окно здесь, просто ты его не видишь, – пояснила девочке Урсула. – Ну, а теперь закрой глаза и иди за мной. Немного летаем.

Следующий сектор был одним из промежуточных. Это значит, что здесь никто не живёт, а обычно просто проходит мимо в сектор, который будет поинтереснее какой-нибудь банальной природной материализации. Но это не значит, что в этом редком лесочке под тёплым солнышком безопасно. И птички здесь не настоящие щебечут. А фантомы – не единственные сущности, которых Лимб припрятал в своём рукаве.

Отряд остановился на узкой просеке, и Рэйвен кивнул Урсуле, чтобы та занялась делом. А это означало лишь одно...

– Пойдём, мне нужно кое-что проверить, – Урсула обняла девочку за плечи и отвела за одно из разлапистых деревьев. – То, что я попрошу тебя сделать, может напугать немного, но поверь, это всё ради твоей безопасности. Я лишь хочу узнать кто ты и как долго здесь.

На удивление девочка кивнула, облизала пухлые губки и была вся во внимании.

Урсула с некоторым облегчением вздохнула:

– Я попрошу тебя раздеться. Полностью. Я должна буду осмотреть тебя... эм-м... чтобы найти кое-что, что могло появиться на твоей коже. Мы, – заблудшие, – называем этот символ отметкой «красного солнца». Он появляется у тех, кто уже был здесь однажды, но... здесь же с ним случилась неприятность, и он вновь попал в то место, где уже один раз просыпался. Понимаешь?

– Сектор? – тоненьким голоском спросила девочка.

– Да. Ты слышала? – вздохнула Урсула. – Тот сектор, где ты очнулась – один из секторов фантомов, принимающих нужный ему вид. В этот раз он принял материализацию места, где ты... где... ты...

Урсула, надув щёки, вновь тяжело вздохнула, понятия не имея, как объяснить ребёнку, что он уже умер, так, чтобы не напугать его до чёртиков, и решила, что займётся этим позже.

– В общем, – женщина вновь улыбнулась, – считай, что эта такая игра. Немного страшная, конечно, но игра. Если однажды ты уже была в том секторе, из которого мы тебя забрали, то

где-то на твоём теле должна была появиться отметка в виде красного солнца. А если ты... скажем, новенький игрок, то твоя кожа будет чистой.

– Понятно, – девочка кивнула, поглядывая сквозь кусты можжевельника на группу мужчин оставшихся на просеке, и по просьбе Урсулы принялась снимать с себя всё ещё влажную одежду.

Отметки «красного солнца» на теле не оказалось. Что означало – этот ребёнок умер недавно – в реальном мире и попал сюда – в место поглощающее души, что заблудшие именуют Лимбом.

В место, из которого нет выхода.

В место, где никому нельзя доверять.

– Скажешь мне своё имя? – Урсула помогла застегнуть девочке верхнюю пуговицу на кофточке и с теплотой улыбнулась, когда напуганный ребёнок впервые улыбнулся ей.

– Не скажу, – пожала плечами девочка. – У меня его нет. – Тонкими и острыми, как спицы пальцами девочка ударила Урсуле в грудь, а уже спустя секунду в её не человеческой ладони оказалось ещё бьющееся сердце заблудшей.

Урсуле повезло, ведь она даже не успела понять, как и от чего умерла, отправившись на перерождение в начальную точку. Её память будет стёрта и вскоре за Урсулой придёт точно такой же отряд, какой пришёл за этой девочкой, чтобы вытащить её душу из сектора фантомов. И теперь Урсуле вновь придётся отрицать происходящее, вновь принимать факт о собственной смерти и заново знакомиться с Лимбом.

Сердце женщины, как переспелая слива лопнуло в руке девочки, забрызгав кровью розовую кофточку и миловидное детское лицо. Девочка шагнула к просеке, где её уже ждал проводник по имени Рэйвен и отлично знал, что за существо находится перед ним.

Да, теперь он был уверен, что перед ним То, что он и ожидал найти в том секторе.

– Что за чёрт?!

– Где Урсула?!

– Урсула!!! – закричали другие заблудшие, наблюдая, как из-за деревьев к ним выходит широко улыбающаяся и забрызганная чужой кровью девочка.

– Что ты с ней сделала?!

– Где Урсула?!

– Что вообще это за тварь такая?!

– Рэйвен, что это за... – Но мужчина с бородкой не успел закончить свой вопрос. По велеанию мысли проводника, дробовик его товарища направился ему в голову, раздался выстрел, и мужчина плашмя рухнул на землю.

– Что за...

– Какого чёрта ты делаешь?! – заорали остальные на проводника, который выглядел всё также спокойно. Будто всё, что происходит сейчас, уже давно было ему известно. Давно было им запланировано.

Пока девочка обнажая заострённые зубы в улыбке с любопытством наблюдала за разворачивающимся действием, дробовик заблудшего направился на Рэйвена, но никто и понять не успел, в какую долю секунды дуло и приклад поменялись местами... Раздался выстрел, и лицо мужчины превратилось в такое же кровавое месиво, как и голова его товарища.

Оставшийся в живых молодой парнишка, чертыхаясь и дрожа от страха всем телом, пятился к лесу, пока Рэйвен провожал его сумбурные действия холодным взглядом чёрных глаз.

– Что ты, чёрт возьми, делаешь?! – с надрывом закричал парень, оперевшись спиной в ствол дерева. – Ты... ты... ты же проводник!!! Почему?! За что ты их прикончил?!

– Урсула была слишком слабой для неё, – негромко отозвался проводник. – А те двое и ты вполне могли подойти.

– Что?! Кто?! Я?! Для кого?! Ты спятил! Псих!!!

Девочка неуловимым взглядом движением оказалась рядом с бьющимся в истерике заблудшим, готовая сделать то, что задумывала изначально, но кто бы мог подумать, что какой-то проводник может оказаться быстрее её?..

Глаза паренька на секунду округлились, рот испустил короткий хриплый стон, а затем тело обмякло, повиснув на толстой ветке дерева, которая прошла сквозь его сердце, и которой несколькими секундами ранее на этом месте и в помине не было.

Девочка круто развернулась к проводнику, встретившись взглядом с его холодными и черными, как ночь глазами и решила, что этого заблудшего получить будет не так-то уж и просто, но его тело вполне подойдет. Тело и глаза проводника – даже лучше, чем могло быть! Зачем вообще ей обычный заблудший, если появился такой соблазнительный вариант?

Девочка шагнула вперед, готовясь к нападению, готовясь овладеть телом заблудшего, для которого открыты дороги в любые сектора. А значит, теперь дороги будут открыты и для неё! Ещё недавно она и рассчитывать не могла на такую удачу.

Рэйвен шагнул навстречу и, склонив голову набок, не без интереса смотрел на создание, впервые на его памяти пожравшее душу ребёнка. Обычно эти твари не пожирают детей, потому что дети – слишком слабый сгусток материи, не пригодный для долгого существования в нём. Но эта сущность выбрала ребёнка. И скоро этой сущности понадобится другое тело для существования.

Что ж... Рэйвен с радостью предоставит ей своё.

– Долго ж я тебя искал, – губы проводника дрогнули в кровожадной ухмылке, – анафема. Прокажённая душа.

Глава 1

Мне холодно.

Этот холод не похож на тот, когда немеет тело, дрожат губы, а деревянные мышцы сводит тугими судорогами. Этот холод сравним со скользкими ледяными змеями, ленивыми, опасными, не знающими пощады. Они хватают за лодыжки, обвивают икры и бёдра, ползут по животу и, шипя, затягиваются тугой петлёй на шее, вонзая в плоть отравленные зубы.

Босые ступни бредут по острым камням, которые въедаются в кожу и с каждым шагом причиняют всё большие боли. Эта боль ломает тело, разрушает разум и становится причиной хриплого гортанного крика вырывающегося изо рта. Так мне кажется... что причина всему – боль. На самом деле... я не знаю что причина. Я просто не помню этого.

Падаю на колени, хватаю себя за волосы...

Ударяюсь руками о мелкие колючие камни, сжимаю их в ладонях, пока новая волна боли не заставляет меня заткнуться и судорожно втянуть в стонущие лёгкие воздух. Какой воздух? Тёплый, холодный, горячий, сырой?.. Ничего не чувствую. Не могу чувствовать. Не имею права. Лишена этой возможности.

Всё, что есть я – призрак в плену собственного разума.

Всё, что есть вокруг – чёрно-белая картинка, заевшее воспоминание, моя неизбежность.

Грязное свинцовое небо нависает над беспокойной гладью широкого озера окаймлённого густым кипарисовым лесом. Вершины деревьев тонут в небесной пучине, путаются в тягучих, как смола грозových тучах и дрожат от порывов ветра, который с корнями пытается выдрать из чёрной земли их могучие стволы.

Гладь озера напоминает жидкую ртуть, отразившая в себе грязно-серые небесные разводы. Беспокойная, тревожная гладь... Она зовёт меня подойти ближе, опустит ступни в холодную мёртвую воду и покориться течению.

Делаю шаг. Шатаюсь. Обхватываю себя руками, тихонько всхлипываю, до крови кусаю губу и ступаю по илистому дну. Длинные чёрные локоны, повинуясь порывам ветра, взметаются над головой, ударяют по лицу, бьют в спину, подгоняя. Иду на глубину, чувствую, как намокает одежда, липнет к телу, становится тяжёлой и тянет меня вниз, за собой.

Ветер хлещет по лицу, как скальпелем режет кожу, бросает в меня удары проливного дождя. Не знаю, о чём думаю. Не знаю, зачем это делаю. Не понимаю, что стало причиной...

Ухожу с головой под воду и позволяю себе камнем пойти на дно. Не сопротивляюсь. Не боюсь. Принимаю.

Вода хлещет в горло, лёгкие стонут, сжимаются и умоляют о кислороде. Глаза открыты и всё ещё смотрят сквозь мутную воду бушующего озера. Веки сдаются последними, чувствую, как они тяжелеют, медленно опускаются, готовые принять блаженную темноту. Лёгкие завершают свою борьбу, покоряясь. Сознание уплывает вместе с безвольным телом ударяющимся о дно.

Последнее, что чувствую – нестерпимую, острую, как лезвие раскалённого клинка волну боли, словно кто-то клешнями вцепился в плечи, сжал их стальными пальцами и безжалостно рванул в разные стороны, разорвав меня на две части.

Последнее, что вижу – ослепительную вспышку золотистого света. Такую яркую, что боль ударяет по глазам даже сквозь закрытые веки.

Последнее, о чём думаю... Хотела бы знать. Но я понятия не имею, о чём думала в последние секунды своей жизни.

Смерть наступает меня, цепкими пальцами хватая в ледяные объятия. Теперь я принадлежу ей. Теперь моё тело принадлежит земле. Теперь моя душа – собственность Лимба.

Задыхаюсь.

Заглатываю ртом воздух, переваливаюсь на бок, обхватываю шею руками и, прижав колени к груди, лающе кашляю. Хочу сплюнуть воду, которой в помине нет и не может быть ни в желудке, ни в лёгких и вовремя включаю рассудок, чтобы из-за очередного кошмара не выглядеть ещё большей душой в глазах десятка очевидцев, наблюдающих за моими далеко не самыми изящными телодвижениями на бугристом полу пещеры.

Никак не могу привыкнуть. Уже тысячи раз видела сон о том, как тону в озере, а всё никак не могу проснуться без кашля и стонущих от нехватки кислорода лёгких. Подумаешь, каждую ночь вижу этот кошмар... В Лимбе этим никого не удивишь, если только он не новая душа застрявшая здесь. В Лимбе, все мы мертвы и все мы каждую ночь видим одно и то же – сон о собственной смерти.

И в Лимбе все заблудшие души давно к этому привыкли.

Видимо все кроме меня.

Кочевники, или как их некоторые вроде меня называют – торговцы-мародёры, всё ещё посмеивались с моего припадка, когда я поднялась на ноги и, виляя из стороны в сторону, направилась к выходу из пещер.

Терпеть не могу кочевников. Эти не особо приятные личности, если их вообще можно назвать личностями, обворовывают сектора фантомов, после того, как отряды мирных секторов забирают из них новые души, и скитаются по всему Лимбу впихивая своё барахлишко тем, кто в этом барахлишке нуждается. Ну, или выставляют на обмен, что пользуется бóльшим спросом. Потому что, чтобы оплатить товар натурой усилий много не надо, да и ума тоже. Таким образом и клиент остаётся с товаром и торговец доволен.

Выбираюсь на улицу и, щурясь от слепящего солнца, бреду вниз по склону горы, подальше от пещер, подальше от торговцев, подальше от вовремя пресечённого позора – наклоняю голову и вылёвываю в траву весь вчерашний скудный ужин. И так практически каждый раз после сна. Со стороны наверняка выгляжу, как постоянно блюющая душа. Мало-приятное зрелище.

Отхожу в сторону, упираюсь спиной в шершавый ствол дерева и сползаю на землю.

В воздухе всё ещё чувствуется прохлада после ночи безумного холода. В Лимбе всегда так: ночью либо жарко до запаха жареного мяса, в который превращаешься ты сам, либо настолько холодно, что внутренности обрастают ледяной коркой. Этой ночью со мной происходило последнее так что, несмотря на тёплые лучи восходящего над одним из заброшенных секторов солнца пытающегося прогреть мою загрубевшую кожу, зубы всё ещё стучат, а мышцы только-только начали отогреваться.

– Катари! – позади доносится взволнованный басистый крик Шоу, и я невольно прикрываю глаза борясь с раздражением. – Катари! КАТАРИ!!!

– Здесь я! – выкрикиваю, не поворачивая головы, и тяжело вздыхаю. Отбрасываю в сторону налипшие на лоб седые локоны, снимаю с запястья резинку и стягиваю волосы в пучок на затылке.

– Катари! – Шоу, поскальзываясь на траве, приземляется передо мной и недовольно смотрит из-под тяжёлых бровей. – Почему ушла? Почему ничего не сказала? Почему не разбудила меня?!

Снова вздыхаю, глядя в ясные, как лунная ночь глаза моего друга и верного спутника Шоу.

– Времени не было, – киваю в сторону, где на траве остался мой вчерашний ужин.

Вижу сквозь густую рыжую щетину, как губы Шоу недовольно поджимаются. Проводит огромной ладонью по стянутым в тугой хвостик медным волосам и отводит взгляд в сторону пещер.

– Я говорил, что идти с торговцами – плохая идея! – рычит недовольно. – Они... они...

– Шоу, – не даю закончить пылкую речь и опускаю ладонь на массивное плечо друга, чувствуя, как он всё ещё дрожит после ночных холодов. – Нам нужен был новый проводник через сектора, ты знаешь это не хуже меня. И что могло быть проще, как примкнуть к шайке торговцев, у которых и есть необходимый нам проводник?

Шоу приземляется на пятую точку, упирает лоб в кулак, качает головой и вздыхает. Знаю, ему тяжело принять это. Две недели назад наш проводник ушёл, предав нас. Он был наставником Шоу. И другом, как мы думали. Но недавно у нашего проводника, видите ли, «третий глаз» во лбу открылся и, прозрев, он отказался идти с нами дальше, сославшись на то, что устал и пора бы ему уже обосноваться в одном из мирных секторов и посвятить себя спасению новеньких душ. Таким образом, мы остались без проводника, а значит – без возможности находить окна ведущие в другие сектора Лимба. И дабы не застрять в каком-нибудь секторе в компании фантомов пришлось примкнуть к группе кочевников, которые приняли нас, хоть и не бесплатно, разумеется.

– Катари... – ясные зелёные глаза Шоу с печалью смотрят в мои.

– Я знаю, что ты хочешь сказать, – качаю головой. – Так что...

– Нет, Катари! – Шоу хватается за руку. – Ты же знаешь: я с тобой до конца, что бы ни случилось, и какое решение ты бы не приняла в следующую секунду. Я лишь... я лишь хочу, чтобы ты ещё раз подумала над тем, что мы делаем. Есть ли в этом смысл?

– Смысл? – с горечью улыбаюсь, до боли в глазах глядя на восходящее солнце. – Я не знаю, если ли смысл, Шоу. Но точно знаю, что выбора у меня нет. Сектор крика – единственное место, в котором есть ответы... для меня. И я должна найти этот сектор. Потому что это всё, что мне остаётся. А для того, чтобы найти сектор крика мы должны попасть в Лютый город, а для того, чтобы попасть в Лютый город...

– Нам нужен проводник, – обречённо качает головой Шоу и вдруг повышает голос, взмахивая рукой в сторону пещер: – Ты же знаешь, что говорят кочевники! Пойди, спроси у них! Сектор крика – одно из самых опасных мест Лимба. Самая тёмная, страшная, разрушительной силы материя схоронена там! Ты ищешь спасение, но найдёшь там лишь свою смерть. Катари...

Печально, но с теплотой улыбаюсь Шоу:

– Боюсь, умереть ещё раз у меня не получится, дружище.

– Ты знаешь, о чём я! Если в секторе крика погибнешь, переродишься в одном из секторов и забудешь, всё что успела узнать об этом месте. Забудешь меня, всё забудешь! Начнёшь сначала всю эту дрянь... Если вообще переродишься.

– Шоу... – мягко опускаю ладонь ему на плечо и неутешительно качаю головой. – Я в любом случае погибну. А сектор крика – маленький, но шанс.

– Эй, путники! – со стороны пещер доносится крик одного из кочевников. – Выдвигаемся!

Шоу сжимает челюсти, так что желваки бегают по скулам и зло смотрит в сторону пещер.

– Мы не путники, – цедит сквозь зубы, а я поднимаюсь на ноги, отряхивая ладони от сырой земли. – Больше не могу слышать, как нас сравнивают с этими убийцами и вандалами.

– Мы – путники, Шоу, – проницательно глядя другу в глаза, отвечаю с нажимом. – Для всех и для каждого, кто спросит. Ясно? Мы – путники.

– Эй, ну чего застряли?! Куда свалили? Заговор планируете? Чего обсуждаете? Вам нужно вообще в Лютый город, или как?

– Нужно, – выкрикиваю в ответ кочевнику и принимаюсь подниматься по склону. – Только пасть захлопни.

– Что?

– Классная пушка, говорю.

Высокий, худой, но жилистый мужчина передёргивает ствол винтовки и кивает на запад:

– Туда идём.

Это наш временный проводник. Проводник, который ходит с огнестрелом – редкость, однако. Но сейчас всё чаще встречаются те, которые больше доверяют сохранность своей души оружию, нежели собственным мыслям и материализации. Нэгмуд называл таких жалкими; не проводниками, а дерьмом собачим. Однако сам Нэгмуд оказался ни чем не лучшим, когда оставил нас с Шоу посреди заброшенного сектора, а сам пошёл обратно в Подземный город.

Конечно, Нэгмунда в отличие от меня не изгоняли. Чего вообще с нами поперся?..

– До окна в следующий сектор часов пять пути! – объявляет проводник, ни к кому конкретно не обращаясь. – Так что лучше пошевелиться, если не хотим застрять в секторе фантомов, а сектор фантомов – следующий и нам полюбэ надо его сегодня пройти! Эй, путники, шевелим булками!

– А с каких пор проводник-наёмник у кочевников считается главным? – бурчу себе под нос, презренно пялясь в затылок проводника.

– А с тех, что нынче проводников на всех не напасёшься, странная девочка, – отвечает мне старый кочевник, щуря один глаз. Он как лошадь запряжён в передвижную платформу на колёсах с двумя вместительными клетками на борту нагруженными различным хламом, и с явным усердием тащит конструкцию за собой. Ноги вязнут в рыхлой земле после прошедшего дождя, тугие вены вздуваются на старой покрытой морщинами коже, а руки от веревок стёсаны в кровь. Однако недовольным старик не выглядит – очень даже позитивным.

– Не говори с ним, – одёргивает меня Шоу, хватая за локоть. – Старик сбрендил.

– Что он имел в виду?

– Это не наше дело, Катари.

– Проводники дохнут, как мухи. Ха! – каркающее смеётся старый кочевник нам в спины, и я отмечаю отсутствие у него во рту доброй половины зубов. Что значит – умер он таким же невзрачным; заблудшие души навсегда остаются такими, какими были в момент смерти.

Все за исключением меня.

– Слышал, чертовщина какая-то творится в южных секторах Лимба, – продолжает говорить старик, хрипло посмеиваясь. – О прокаженных слухи ходят, мол плодятся они начали, как саранча. Заблудших пожирают...

– Ничему тебя жизнь не учит, – второй торговец отвешивает старику крепкий подзатыльник. – За любую информацию нужно платить! Чего треплешься?

– Да ладно тебе, Монти, – усмеяется ещё один торговец, шагающий належке и перекидывающий с одного уголка рта в другой длинную травинку. – Слухами земля полнится. А мы – не распространители слухов. Только фактов. И только с оплатой за них. А далеко не факт, что в южных секторах что-то творится.

– Кто-то убивает проводников, – каркающе добавляет старик. – А если не станет проводников, всем нам кранты! И кто же это могут быть? Уж не прокажённые, а?

– Харэ трепаться! – вновь гаркает на старика один из кочевников. – Я этих прокажённых ни разу не видел, да и желанием не горю! Так что заткнись и не зазывай беду!

– Прокажённые. Ха! – посмеивается кочевник с травинкой в зубах, выплёвывая слова, как куски скользкой зловонной грязи. – Видел как-то одну такую тварь...

– Трепло! – вставляет реплику проводник.

– Правда! Видел! – нагоняет его кочевник, выплёвывая изо рта травинку. – Страшная такая... тварина. Рот разорван, глаза – две чёрных пустых дыры, а язык длинный и раздвоенный, как у змеюки.

Проводник окидывает кочевника насмешливым взглядом:

– Да ты совсем идиот. Ни одна прокажённая душа так не выглядит. Это ты мне тварюгу какую-то фантомную описываешь.

– Ага, как же! – жестко смеётся кочевник. – Всё-то ты знаешь, да и ничего по сути! Никакая это не фантомная тварюга была, а самая настоящая анафе...

– Захлопнись! – проводник вдруг толкает кочевника в спину и тот летит на встречу с землёй, вспахивая её физиономией. – Совсем жизнь не дорога? На перерождение отправиться хочешь?! Говоришь, что знаешь, кто такие прокаженные и вот так просто называешь их по имени?!

– Да я... да я... Да что я такого сказал-то? – мямлит кочевник, утирая лицо рукавом крутки и оставляя на ней разводы грязи.

Проводник грозовым облаком нависает над кочевником, и пока остальные молчаливо наблюдают за разворачивающимся действием, угрожающе шипит ему в лицо:

– Не хочешь лишиться проводника и остаться здесь на корм фантомам, захлопни пасть и не смей больше разевать на тему прокажённых. Потому что мне, тупой ты кусок бревна, здесь эти твари не нужны. Так что не смей их звать, понял?!

Кочевник нервно сглатывает, тупит взгляд и нехотя кивает.

– Вот и хорошо, – проводник хлопает его по плечу и продолжает путь.

Тропинка круто уходит вниз по бугристому склону и все мы переходим на трусцу, в то время когда платформа ударяет старика в спину и буквально подбирает под себя, пока Шоу вовремя не хватается за клетки и замедляет её движение.

– Спасибочки, рыжик, – подмигивает ему старик.

– Что значит: что-то убивает проводников? – продолжаю разговор я, так как впервые об этом слышала. Видимо до меня слухи вообще никогда не доходят.

– Хрень всё это! – кричит проводник, адресуя мне скользкий, но чертовски самоуверенный взгляд. – Слушай этого старпёра меньше, путница! Никто и ничто нас не убивает!

– Конечно, не убивает, – гаркает старик. – Отправляет на перерождение ваши грешные душеньки, всего-то.

Один из кочевников вновь отвешивает старику подзатыльник и колени того подгибаются, ступни уходят в землю.

– Козлина, – ворчит тот, так что слышу только я. – А ты, небось, на пожарище побывала, а, странная девочка?

Невольно оглядываю свою одежду, затем отвожу взгляд на макушки деревьев вдаль и коротко качаю головой:

– Не твоё дело.

Джинсовая куртка, белая футболка под ней и эластичные брюки сплошь покрыты дырами и чёрными разводами от копоти.

Старик прав – шмотки давно пора сменить, да только возможность никак не подвернётся, а пытаться выторговать что-то у кочевников в то время когда платить нечем – глупо. Если только натуру предлагать не собираюсь.

– Говорят, разорвало его, – доносится до ушей разговор кочевников шагающих впереди.

– Да ну! Не верю! Быть такого не может.

– Не таким уж и крутым он был, как все о нём трещали.

– А ты что, знаком с ним лично был, или как? – посмеивается один из кочевников и второй отвечает точно таким же противным смехом:

– Видел однажды. Страшный, как чёрт! Белые лохмы, чёрные глаза, рожа кирпича просит. Вообще ноль эмоций, чес слово! Многие его даже немым считают.

– Это потому, что для Белой вороны слишком много чести трепаться с отребьем вроде нас, – насмехается один из кочевников. – Эй, Гром, что скажешь? – обращается к проводнику и тот нехотя оборачивается, окидывая спутников невыразительным взглядом. Затем отводит взгляд в сторону и лениво отвечает:

– Видел как-то этого Рэйвена. Мутный парень. Так что даже не удивлюсь, если слухи окажутся правдивы и он действительно пришел весь свой отряд. А потом и себя прикончил. Псих.

– Да его на куски разорвало! – гаркает один из кочевников. – Кто-то видел его ошметки в лесу в окружении других трупов. И что-то смутно верится, что один из самых известных проводников Лимба собственными силами себя четвертовал.

– Тогда кто это, по-твоему, сделал? – легкомысленно усмехается наш проводник. – Фантомы? Не мели пургу! Крышу пареньку основательно снесло, вот и уколошил себя сам, тоже мне дело...

– Ха. Дебилы, – раздаётся смешок старика по правую сторону от меня. – Слыхала, что несут? Белая ворона сам себя прикончил! – И шёпотом добавляет: – Охота это, точно говорю! Какая-то тварь основательно за проводников взялась! Всех скоро прикончит, вот увидишь!

Бесстрастно смотрю старику в лицо:

– Не вижу логики. Белая ворона слишком «стар» для того, чтобы перерождение его памяти лишило. Какой смысл какой-то там твари убивать таких, как он?

– А никто и не говорил, что тварь только с этой целью проводников убивает, – щурится старик. – Знаешь Ворону, ага?

– Ни разу не видела. А не слышал о нём только глухой.

– Вот и повезло, что не видела, – усмехается старик. – Говорят, он таких как ты за версту чует. И собственными руками уколошивает!

Не нахожу что ответить, лишь застывшим взглядом смотрю на старого кочевника и слова из себя выдать не могу, а тело начинает пробивать мелкая дрожь.

Какого чёрта вообще?!

– Ты... ты знаешь? – наконец шепчу едва слышно.

Старик поудобнее хватается за верёвку, продолжая волочить платформу за собой и негромко посмеивается:

– Я может и стар, странная девочка, но уж точно не слеп, как некоторые.

И тут начинается ЭТО.

То, чего я меньше всего ждала сейчас. То, что способно не только убить меня, но ещё и стопроцентно лишить нас с Шоу проводника, после того, как тот собственными глазами увидит, кого ведёт за собой в мирный сектор.

Обычно всё начинается с лёгкого покалывания. Кожа на ладонях начинает зудеть, иногда даже перерастая в щекотку. А затем... затем меня накрывает оглушительной вспышкой боли, которая свинцовым молотом бьёт по голове, до искр перед глазами, до выкручивания суставов, до истошного крика, который не могу себе позволить! И так всегда. Раз за разом. Моё тело превращается в пепел.

– Катари, – шепчет Шоу, сдёргивает с моей спины рюкзак и бросает на землю. Хватает за плечи, разворачивает спиной к кочевникам и силой опускает в высокую траву. А я в это время дрожу с ног до головы. По лбу и вискам сбегает капельки липкого пота, дыхание напоминает жалкое поскуливание побитого жизнью пса, стремительно накатывает волна жара, за ней – волна холода и так до бесконечности... Так будет пока Это не прекратится.

Руки трясутся. Сжимаю ладони в кулаки, пряча их в рукавах куртки, лишь удваивая боль, но это всё, что могу сделать, чтобы не выдать себя, не выдать то, кто я есть на самом деле. Ведь если проводник откажется вести нас дальше, если оставит нас с Шоу в этом секторе...

– Катари! – напряжённый шепот Шоу прорывается в сознание. Ясные глаза цвета сочной травы внушительно смотрят на меня, большие мозолистые руки охватывают мои запястья и с силой сжимают. Это причиняет Шоу боль – точно знаю. Сейчас я – раскалённая добела сталь. Сейчас я – готовое взорваться жерло вулкана. Сейчас я опасна. Сейчас я та, от кого следует бежать без оглядки. Сейчас я тот самый «маяк в океане» чья энергия на все сто процентов

активна, она сигналит, горит и светится, зазывая к нам всех фантомов из ближайших секторов. Но когда Это происходит со мной, Шоу готов сделать что угодно, чтобы если не прекратить мою агонию, то разделить её на двоих.

– Держись, сейчас пройдёт, – говорит он, переводя взгляд на мои руки, превращающиеся в два чёрных уголька. Кожа чернеет и трескается, становится жесткой, бугристой, обрастает шершавой коркой, покрывается волдырями и лопается, как гнойные нарывы, порождая яркие лучи света вырывающиеся из дырявого, изуродованного тела.

– Дыши, Катари! – шепчет Шоу, не отпуская меня. – Ты знаешь, что делать. Возьми это под контроль, чёрт тебя побери, Катари! Сделай это! Ты можешь это сделать!

– Что там у них происходит? – доносится из-за спины.

– Эй, путники, что там у вас? Что за дела?

– Пошёл отсюда! – рычит Шоу на кочевника подобравшегося слишком близко. Тот пятится назад, спотыкается о собственные ноги и падает на пятую точку, тихо, с ужасом, выдыхая себе под нос:

– Мать честная, что это за дерьмо такое?.. Вы... Ты... Она...

– Покажи! – проводник хватая меня за плечо и круто разворачивает к себе. Тут же отшатывается, позволяя моему разрушающемуся телу повалиться на землю.

– Вы... вы... ЧЁРТ! ОНА ПРОКАЖЁННАЯ!!! – раздаётся вопль проводника, а следом хор из точно таких же шокированных голосов.

Ничего нового.

Всё как всегда.

Зажимаю уши тлеющими руками, утыкаюсь носом в траву и заставляю себя глубоко дышать. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Медленно, спокойно. Это всё ещё моё тело. И только я над ним властна.

– Прокажённая!

– Мать вашу! Эта девка – прокажённая! – долетают до сознания смутные голоса.

– Какого дьявола?! Эй, ты, рыжий урод, а ну-ка иди сюда! Объясни!

Хруст чего-то ломающегося.

Наверняка, носа.

О, да, Шоу умеет доступно объяснять.

– Вот тварь! – орёт кто-то будто из-под воды. – Хватайте его! Чего стоите?!

Шоу справится с этим. И не с таким справлялся. Ни один раз ему приходилось ввязываться в передраги из-за того, что Я есть.

Зажимаю уши сильнее. Чувствую, как «зараза» распространяется всё больше, всё выше по телу. Теперь тлеют не только руки – грудь горит в огне, живот получает удары раскалённой плетью, шея сжимается от невидимой удавки.

Начинаю задыхаться.

– Катари, борись! – раздаётся голос Шоу и также быстро стихает, одновременно с очередным глухим ударом.

– Не использовать материализацию! – кричит проводник. – Да что за придурки?! Ни кому, ни о чём не думать! Фантомы и так уже рвутся сюда!

Хорошо, что у нас есть проводник – теперь мы знаем о скором визите фантомов. В общем-то, во время моих припадков обычно так и бывает, так что могла и сама догадаться.

Раздаётся треск... Стоит на секунду открыть глаза и приходится стать свидетелем тому, как благодаря чьим-то мысленным потугам из земли с корнями вырывается разлапистое дерево и отправляется в полёт к Шоу.

Или... не совсем к Шоу.

Чёрт.

Прикрываю ладонями затылок...

– Катари! – крик Шоу раздаётся над головой, а следом его массивное тело наваливается на моё и вжимает в землю. Он принимает удар на собственную спину и, скорее всего, с помощью мысли отправляет дерево в дальнейший полёт к кочевникам.

– Ты не должен этого делать! – кричу, содрогаясь от боли. – Не используй мысли! Не делай ещё хуже, Шоу.

Как будто хуже уже может быть... Иногда я говорю такие глупости.

Шоу помогает мне сесть, хватая за плечи и не без ужаса смотрит на угли, в которые превращаются мои конечности.

«Плохо дело. И сама знаю.»

– Так что не надо на меня так смотреть! – кричу с надрывом. Шатаюсь, поднимаюсь на ноги и бреду в низину, к узкому руслу реки, чья гладь искрится серебристыми бликами в лучах утреннего солнца и буквально манит податься желанию, подойти ближе... А потом пожалеть об этом.

– Только не вода, Катари! – с надрывом кричит мне в спину Шоу, но резко замолкает, и я не знаю, что тому причина.

Кочевники расступаются передо мной, как перед... прокаженной. Впрочем, такой они меня и считают. Поэтому просто бреду, обхватив себя руками, спотыкаюсь и падаю – ватные ноги не держат. Тело сгорает, разрушается. Предательское тело! Даже с ним мне в этом проклятом Лимбе не повезло!

Падаю на колени, погружая ладони в хрустально-чистую воду и ощущая первое облегчение, маслом разливающее по телу, обволакивающее каждую стонущую от боли покалеченную клеточку. Ползу на четвереньках, выдёргивая руки из илистого дна, и шлёпаюсь всем телом в прохладу воды.

Изо рта вырывается протяжный выдох облегчения, и я переворачиваюсь на спину. Боль притупляется, оставляет меня, но лишь на время – до следующей незабываемой встречи. Вода вокруг темнеет, с кожи сходят большие круглые хлопья, чёрные, как сажа, грубые, как каменный уголь, а под ними показывается розовая, мягкая и нежная, как бархат, моя новая кожа. Сейчас вода спасла меня, но уже завтра я об этом пожалею.

«Змеиное проклятие», так называли Это жители Подземного города из которого меня изгнали.

Вот так ирония. Душа, которая была и так проклята, раз умудрилась заблудиться по пути на небеса и попасть в Лимб, оказалась проклятой вдвойне и даже не знает за какие заслуги.

Не успеваю подняться из воды и оглядеться, как за спиной из редкого лесочка на склоне горы раздаётся протяжный женский вопль, а спустя несколько секунд резко обрывается. И наступает та самая тишина, которая страшнее и опаснее самого разрушительного в мире землетрясения. Та самая, когда стук сердца в груди – единственный звук, что ты слышишь, и он ведёт обратный отсчёт до встречи с неминуемым. И оно наступит. Неминуемое. Потому что они уже здесь...

– Фантомы!!! – крик нашего проводника первым нарушает тишину и становится отмашкой для паники, терпеливо дождавшейся своей очереди.

Глава 2

Меня зовут Катари.

И это не моё настоящее имя. Настоящего я не знаю. Того самого, каким наградили меня родители, того самого, какое стало моим с рождения... Я знаю своё другое имя. Оно нашло меня, когда я «родилась» во второй раз. Когда моим домом стал Лимб.

Шоу состоял в том отряде, который отправили в один из секторов фантомов за новенькой душой. За моей душой. Они нашли меня в местности принявшей материализацию лесного озера окружного кипарисовым лесом. Я сидела на берегу, обняв себя руками, раскачивалась из стороны в сторону и как психически нездоровая трясла головой. Не помню, зачем это делала. Скорее всего, пыталась отрицать действительность. И, скорее всего, я просто вмиг одичала от страха непонимания, когда вылезала на берег, сплёвывая на камни целые лужи пресной воды.

Я не знала, кто я. Не знала, сколько мне лет. Не знала, как оказалась на этом озере.

Я даже понятия не имела, что уже умерла. Знала лишь, что это произошло недавно, раз отряд заблудших не нашёл на моём теле отметки «красного солнца» – знака тех, кто однажды уже погибал в Лимбе и отправлялся на перерождение забывая всё о чём знал. Таких заблудших здесь большинство и они уже не настолько ценятся, как могли бы. Ведь и пользы они могут принести меньше, чем идеальные заблудшие – те, кто никогда не встречал в Лимбе свою смерть. Только идеальные заблудшие могут стать проводниками, а здесь это очень престижно.

Я же изначально была никем.

В этом и была моя странность для окружающих.

Обычно, новенькие души появляющиеся в Лимбе помнят всё о своей жизни в мельчайших деталях, и лишь спустя время их память начинает стираться, оставляя в голове лишь то, что нужно знать обитателю этого места: кто ты есть сейчас, где ты, как здесь жить и кого стоит опасаться.

Никто из древних заблудших так и не смог дать мне ответ на этот вопрос. Никто из них понятия не имеет, что с моей душой не так. Сильно не так, как оказалось в дальнейшем.

Процесс принятия новой реальности проходил, мягко говоря, беспокойно. Сначала я истерила, кричала и даже смеялась как ненормальная с Шоу, его отряда и их проводника, а затем... меня просто «выключило». Я смолкла и замкнулась в себе.

Первые два месяца в Подземном городе прошли для меня как в бреду. И тогда я только-только училась принимать сон о собственной смерти, как должное. Тогда ещё пыталась найти в нём ответы, разглядеть хоть какую-нибудь новую деталь, которая могла бы рассказать обо мне что-то, натолкнуть на мысль, возродить в пустой голове почему-то забытые воспоминания о жизни. Но в итоге... признала, что это бесполезно и просто смирилась с тем, что теперь я – душа по имени Катари.

Ха. И даже это не совсем правда.

Изначально древний заблудший управляющий тем мирным сектором назвал меня Катарина. А уже после того, как «моё проклятие» начало себя проявлять (случилось это чуть меньше чем через полгода), моё имя немного сократили. Не знаю, кто это был такой оригинальный и как долго над этим думал, но имя Катари очень быстро ко мне приклеилось и с тех пор все зовут меня именно так.

Катари – означает «змея» на языке индейцев аймара. Очень символично для той, чья кожа порой превращается в чёрную тлеющую корку, а потом отмирает, даруя мягкую нежную кожу.

И тогда я ещё не знала, как всё оказывается серьёзно.

Уже во время третьего припадка, который случился со мной посреди ночи, проклятие стало прогрессировать. Больше это не было парочкой чёрных пятен – в тот раз руки истлели

до основания шеи, и если бы мне не удалось совладать с собой и прекратить процесс самоуничтожения тела, десятком фантомов-визитёров в Подземный город не обошлось бы. А ещё в ту ночь на моей голове появилась первая седая прядь.

Однако изгнали меня далеко не сразу.

Меня изолировали и продолжили обучение контролю над мыслями. Но не потому, что кому-то там стало меня жаль, или кто-то там верил в моё излечение, нет... Они всего-то не имели права изгонять из мирного сектора душу, которая ещё не овладела контролем над своими мыслями и способна расплыться ими направо и налево. А это чревато последствиями. Энергия материализации привлекает фантомов, это лучшая в Лимбе заправка для созданий вроде них. А стоит накормить собою одного фантома и их станет на десяток больше, а это в свою очередь несёт угрозу для существования мирных секторов и для самих заблудших. Для этого и существуют отряды по «спасению» новеньких душ и размещению их в секторах. Однако существует и те, кто имеет право изгонять души из мирных секторов после прохождения обучения, если те души представляют для поселения непосредственную угрозу. И я представляла. Ещё какую!

Во время изоляции Шоу и стал моим единственным другом. Он меня не боялся, и что ещё более странно – даже не презирал за то, в чём я не виновата. Шоу дал слово, что мы разберёмся с этой проблемой... разберёмся вместе и даже если я захочу его оттолкнуть шансов на это никаких.

Не знаю, что Шоу увидел во мне. Не знаю, почему решил со мной подружиться и предложил помощь. Возможно этот парень слишком добрый по своей натуре, а возможно потому, что в Подземном городе никто не относился к нему с должным уважением и на это есть причины. Хотя лично, по моему мнению, этот заблудший заслуживает гораздо большего уважения, чем любой древний из Подземного города. Тоже мне... древние... Словно года проведённые в Лимбе – единственное чем можно гордиться.

Меня изгнали спустя год и два месяца существования в Подземном городе. Рядом с моей изоляционной камерой всегда дежурили заблудшие, которые в случае припадка поливали меня водой и вовремя пресекали нашествие фантомов. Это всё, что они могли делать, до тех пор, пока не доказала, что умею держать мысли в узде. И это единственное, как они могли защититься. О том, что станет со мной уже на следующие сутки после контакта тлеющей кожи с водой, разумеется, никто не думал.

Так что я была рада изгнанию. Я мечтала и ждала этого дня, потому что только так меня могли оставить в покое, наедине со своим проклятием. Только так я могла быть на сто процентов уверенной, что на меня не объявят охоту и за мной не будет слежки. Только так я могла покинуть границы мирного сектора и обрести относительную свободу.

Но Шоу отправился со мной. Как и я, приняв клеймо изгоя на свою душу и любые мои уговоры касательно того, чтобы он этого не делал, были бесполезны. Древний заблудший Подземного города наградил наши энергетические сущности чем-то вроде невидимой печати, для того, чтобы любой другой древний мирного сектора сумел отличить нас с Шоу от «нормальных» заблудших. Изгоев не любит никто. Изгоев сторонятся и презирают, не важно за что. Если ты изгой – значит заслуженно. Единственный плюс лишь в том, что только древний, или очень сильный заблудший может почувствовать клеймо, поэтому мы с Шоу и прикидываемся путниками всё это время. Приходится страховаться.

В чём отличие путника от изгоя?..

Да, возможно путников презирают не меньше, но их также и боятся. Прикинуться путниками – теми, кто отказался от жизни в мирном секторе и вольно путешествуют по Лимбу якобы в поисках выхода из этого проклятого места – единственное, что нам оставалось. Путники и кочевники – одного поля ягоды, с похожими моральными принципами и в основном гнусными, но, как уже раньше говорила – нам нужен был проводник. Ведь Нэгмуд оставил нас

спустя два месяца – как он позже заметил, – бесцельного скитания по Лимбу. В общем-то, он и отправился с нами только потому, что Шоу был его хорошим другом, но если подумать, какой проводник станет портить свою репутацию тем, что ошивается рядом с двумя изгоями?.. Так что его можно понять.

Нэгмуд ушёл. А у меня остался лишь Шоу, карта с нужным фрагментом Лимба, нужная информация выкупленная у одной шайки кочевников, промежуточные цели, и конечная – найти сектор крика.

Да, и ещё у меня осталась надежда.

Я уже мертва, но у меня всё ещё осталась надежда.

Глава 3

- Чёрт! Фантомы здесь! – кричит наш проводник по имени Гром.
- Фантомы! – хором орут кочевники.
- Мать вашу! Это всё девчонка!
- Прокажённая дрянь!
- Убираемся отсюда!
- Куда? КУДА?!
- ЗА МНОЙ! КУДА!
- Хватайте товар!
- Всё из-за этой сучки!

Да плевать, о чём они там орут. Сижу в воде и напряжённым взглядом рассматриваю редкий лесок по другую сторону реки и точно знаю – тому, что происходит там не я причина. Только не в этот раз.

То, что происходит там, с размахом выбивается за рамки того, на что способна моя энергия во время припадков. Только если это не что-то новенькое, чего я о себе ещё не знаю.

Я ещё плохо различаю фантомную энергию, но видимо ТАМ её сейчас столько, что даже меня это чувство стороной не обошло. Чувство ужаса с принятием неизбежности – без столкновения с фантомами нам отсюда не уйти, их слишком много.

Ор кочевников и их возня слышится с берега. Шоу кричит моё имя и требует, чтобы я немедленно вылезала из воды. Но всё, что я делаю, это смотрю на кроны деревьев высвечивающиеся на фоне голубого неба, чувствую опасный холодок пробегающий вдоль позвоночника и как волосы на шее становятся дыбом. А в следующую секунду вновь раздаётся женский крик. Птицы роем взмывают в небо, и первый ряд далёких деревьев с треском валится на землю, так что земля содрогается.

Кто-то подхватывает меня под подмышки и ставит на ноги.

- Катари! Шевелись! ШЕВЕЛИСЬ! – орёт Шоу, и я тянусь за ним по илистому дну реки.
- Здесь что-то не так, – бормочу, глядя назад.
- Конечно, не так! Фантомы в секторе! Катари! Очнись!

Подхватываю с земли рюкзак и озираюсь в поисках проводника: тот и парочка кочевников уже двигаются обратно вверх по склону, к окну из которого мы пришли. И для нас с Шоу – это также единственный путь к спасению.

– Ну нет! Даже не думайте переться за нами! – оборачиваясь, восклицает Гром. – Катись к чёрту, прокажённая!

– Да, не иди за нами!

Останавливаюсь. Но, не потому, что попросили, а потому, что промежуточный сектор начал погружаться во тьму. Небо вдали пожирало огромное чёрное облако. И это совершенно не было похоже на стихию. Это было...

– Твою мать! – громкий выдох Грома заставляет меня обернуться. Проводник делает несколько шагов вперёд, не сводя с неба огромных потрясённых глаз, и я замечаю, как медленно отвисает его челюсть. Голова также медленно опускается, и взгляд встречается с моим.

– Это ты, – презренно выплёвывает, сжимая кулаки. – Ты их материализовала!

Ну вот примерно это я имела в виду, говоря о чёрном облаке стремительно расползающимся над сектором и пожирающим весь дневной свет вместе с солнцем. Это материализация фантомов в некую жуткую субстанцию – заслуга чьих-то мыслей. Но вот точно не моих.

– ТЫ!!! – орёт проводник, бросаясь на меня, и Шоу встречает его толчком в грудь.

– Это не я! – кричу также громко, одновременно с оглушительным треском деревьев, словно кто-то огромный проламывает себе дорогу через них.

– А кто тогда?! – брызжа слюной, орёт Гром.

– Зачем мне это, по-твоему?! – ору в ответ, так что Шоу теперь и меня удерживает на месте.

– И что с окном?! – дёргает челюстями проводник, и мой взгляд мрачнеет:

– В каком смысле?!

– Что ты с окном сделала, спрашиваю, прокажённая дрянь?!

Шоу встречает заблудшего новым толчком в грудь, а меня толкает за свою спину, но я вырываюсь.

– О чём ты говоришь?! – кричу, ничего не понимая. – Что с окном?!

– ЧТО?! – окончательно взрывается Гром. – Северное окно пропало, вот что! Нет его больше! И я впервые такое вижу!

– Хватит! – пресекает наш спор Шоу и кивает вперёд. – Веди нас к окну, проводник! К тому, из которого пришли!

– С радостью, но всех кроме вас! – отвечает тот, круто разворачивается и принимается бежать вверх по склону.

Шоу толкает меня в спину, чтобы пошевеливалась и в этот же момент первые осадки ударяют по земле, и мы оба замираем, глядя себе под ноги.

Не верю своим глазам. Это настолько жутко и одновременно смешно, что я попросту не знаю, как реагировать.

– Это ещё что за чертовщина? – доносится крик проводника. Он кружится на месте с раскиданными в стороны руками. – Дождь из лягушек?! Это я от них тут убегаю? Какому большому фанатику это вообще в голову пришло?!

– Точно не мне, – повторяю себе под нос и гляжу на Шоу. Тот лишь пожимает плечами и продолжает двигаться вверх по склону.

– Нужно уходить из сектора! – кричит он Грому. – Это всё хоть и похоже на шутку и я впервые вижу фантомов принявших вид лягушек, но оставаться здесь нельзя!

Оборачиваюсь на треск за спиной.

А вот о деревьях и о тех, кто идёт по ним, как по разбросанным спичкам, кажется, все и забыли.

– Матерь Божья! – кричит вдруг старый кочевник, кидает платформу и целиком залазит в одну из клеток на борту. Остальные кочевники бросаются кто куда, думаю от увиденного потеряв ориентацию в пространстве и совершенно забыв, что двигаться надо к проводнику. Но вот проблема – и сам проводник выглядит так, словно его чем-то тяжёлым по голове огрели и из последних сил держится на ногах.

Мне и самой-то поплохело.

И я понятия не имею, как назвать этих тварей...

Огромные, ростом с четырехэтажный дом жирные пауки, скребя по земле мощными волосатыми ногами, уже прорывались к реке, оставляя позади то, что когда-то считалось лесом.

Разворачиваюсь и бегу вверх что есть силы, не упуская из вида спины проводника, проворно разгребаящего руками высокую траву в которой путаются ноги.

Шоу бежит рядом и то и дело оглядывается и, признаться честно, это впервые когда я вижу своего друга настолько потрясённым. Даже моим «змеиным проклятием» он не был так шокированным, как тем, что видит сейчас.

– Ненавижу... ненавижу пауков, – бормочет он себе под нос.

Лягушки лупят по голове, падают под ноги, так что приходится бежать по ним, стараясь не поскользнуться и не отстать от проводника, чья спина маячит впереди, виляя из стороны в сторону.

Гигантские пауки проворно передвигаются за нашими спинами,, следуя по пятам и если бы это были обычные насекомые, от них было бы больше шансов спастись, но это фантомы, а значит, материя тел заблудших – лучшее для них лакомство в Лимбе. Мы – их лакомство.

Что-то большое просвистывает над головой. Вовремя прижимаю к затылку руки и плашмя падаю в траву. Шоу поступает также, и на этот раз мы не становимся добычей огромного тарантула пытавшегося нас зацепить. Его добычей становится кочевник тащивший баулы с барахлом на спине: паук вонзает в него толстые чёрные клыки, подбрасывает в воздух и целиком заглатывает бедолагу.

Поднимаюсь и бросаю взгляд назад. Тут же жалею об этом, потому что от увиденного сердце предательски сжимается.

– Я не должна. Не должна помогать ему. Нет – я даже не смогу помочь ему, – шепчу себе под нос и не замечаю, что ноги уже несут меня в обратном направлении – к старому кочевнику запершему себя в клетке вокруг которой кружат два фантома.

– Катари! – как обычно не без осуждения кричит в спину Шоу, но я не оборачиваюсь, бегу к старику, сама не зная, чем могу помочь ему. Я слишком мало времени нахожусь в Лимбе, материализация моих мыслей ещё не способна на массовое воплощение и уж тем более такого мощного фантомного скопления, как эти гиганты.

Но я всё же попытаюсь.

Есть кое-что, что всегда получалось у меня отменно.

«Вода», – думаю я, но ничего не выходит.

«Вода»! – повторяю про себя, сверля взглядом чёрную тушу одного из тарантулов, но опять лажаю. Они слишком сильны для такой, как я.

«ВОДА»! – ору в собственных мыслях, сжимая кулаки, до боли вонзая ногти в кожу.

И в этот раз получается.

Фонтан взрывается над клеткой и обрушивает на старика мутную грязно-зелёную воду, но не успеваю я выдохнуть, как второй фантом возносит острую конечность к небу и обрушивает её на клетку, протыкая старика насквозь. Надеюсь лишь, что удар пришёлся по сердцу и старик даже понять не успел, что произошло, когда клетка рассыпалась, а сам он полетел монстру в пасть, а если нет... то перевариваться ему в желудке этой твари и молиться о том, чтобы это случилось как можно быстрее.

Оборачиваюсь, пытаюсь разглядеть Шоу, но не нахожу его. Лишь какое-то небольшое пятно пролетает перед глазами, кубарем прокатывается по земле и замирает у моих ног. Тело заблудшего. Нет, это не Шоу – это наш уже мёртвый и выпотрошенный проводник с застывшими в ужасе глазами и открытым ртом. А это значит – спасения уже не будет. Ни для кого.

Пячусь к деревьям и негромко зову друга. Пытаюсь держать себя в руках, не паниковать, занимаюсь самообманом, внушая, что всё будет хорошо, что мы с Шоу выберемся отсюда, как только я его найду. Но это Лимб, чёрт побери! И здесь ничего не бывает хорошо!

– Шоу! – кричу отчаянно, вращаю головой, задыхаюсь. – ШОУ!

На это невозможно смотреть. Да, меня готовили к подобному, но год и два месяца я провела в мирном секторе, где если и случаются нападения фантомов, то незначительные, и древние быстро решают эту проблему. А то, что происходит сейчас... сравнимо лишь с каким-нибудь фильмом ужасов, которых я даже не помню. Но Шоу часто сравнивал события в Лимбе именно с данным жанром кинематографа. Он даже записывал сюжеты фильмов в блокнот, чтобы не забыть. И как-то даже мне читал.

– Шоу!

Понятия не имею, куда он провалился, только если не... Нет! Точно нет! Фантомы не могли сожрать и его. Только не его!

Оставшиеся в живых кочевники ещё пытаются бороться с гигантскими тварями, используя материализацию, и падают в бою один за другим, отправляясь на перерождение. Здесь нам

не поможет никто. Только если заблудший, которому подвластна одна из самых мощных массовых материализаций. Но откуда здесь взяться древнему? Все они в мирных секторах отсисываются.

Отпрыгиваю в сторону, избегая удара членистоногого, и кубарем скатываюсь вниз по склону до самого берега реки. Упираюсь ладонями в илистое дно и, практически задыхаясь, ползу по течению.

Лягушки продолжают падать с небес, а огромным членистоногим и счёта нет. Не знаю, куда бегу, зачем спасаюсь, всё и так ясно – вот-вот придётся испытать перерождение на себе, то есть: либо обрести новое тело и забыть все, о чём помню, либо – в моём случае, – кануть в лету и навсегда попрощаться с существованием.

Останавливаюсь. Дальше бежать нет смысла. Если я – единственная, кто всё ещё дышит в этом секторе, то вся фантомная масса сейчас стекается ко мне, а точнее сбегается на толстых острых конечностях. Они окружают меня, смотрят огромными, круглыми, как пуговицы глазами и издают противное скрежетание похожее на утробный вибрирующий свист.

Пячусь, поскользываясь на илистом дне. Течение воды ударяет в спину и, словно находясь в заговоре с этими тварями, становится бурным, пенистым и подбивает меня идти дальше, толкает в лапы смерти.

Видимо судьба у меня такая – умирать в объятиях воды.

Закрываю глаза, до боли зажмуриваясь, принимаю неизбежность, готовлюсь получить удар.

И получаю его.

Мощный толчок в грудь обрушивается на моё не устойчивое на скользком дне тело, и я падаю на глубину, ударяясь лопатками о дно. Ожидаю, что вот-вот окажусь насаженной на острую конечность и полечу в пасть фантома... но этого не происходит. И это вынуждает меня открыть глаза.

В этот миг кажется... что я сошла с ума...

Белые, как первый снег волосы разлетаются в стороны и плавно извиваются в прозрачной, как хрусталь воде. Они сияют, как лучи солнца, пробившие себе дорогу сквозь чёрные грозозыбные тучи, ослепляют, и это зрелище вызывает невольное восхищение. Этот заблудший, кем бы они ни был, прижимает меня ко дну и нависает надо мной так низко, что я могу разглядеть каждый сантиметр его лица, каждую морщинку – так мне кажется. Нос с небольшой горбинкой и слегка приподнятым кончиком, густые прямые брови, хмуро сдвинутые к переносице, бледные губы стянутые в тонкую линию, короткий, но толстый рубец по центру напряжённого слегка заострённого подбородка, светлую, как топленое молоко кожу, которая будто искрится, играя бликами от речного течения, и дикие, жестокие, чёрные, как у самого Сатаны глаза.

И это всё о чём я могу думать.

Словно в лёгких вскоре и не закончится кислород, а на берегу не толпятся десятки тварей, которым натерпится поскорее полакомиться своей добычей. Всё, что я делаю – смотрю на эту до жути странную и настолько же прекрасную душу, и понять не могу: я спятила, у меня галлюцинации, за мной пришёл ангел, или это происходит на самом деле?

Крохотные пузырьки вырываются из моего рта и тоненькими струйками убегают вверх, оставляя в лёгких мизерный запас кислорода. В то время когда заблудший продолжает вдавливать меня в дно и напряжённо смотрит в глаза. Кажется, будто это длится часами, когда на самом деле прошло всего несколько секунд. Несколько самых долгих в моей новой жизни секунд.

А потом вокруг темнеет. И это не вода становится чёрной, это и без того грязно-серое небо над нами тонет в чёрных телах существ склонившихся над рекой, над тем местом, где незнакомец не меняясь в лице и не выпуская изо рта ни одного даже крохотного пузырька, вдавливает меня в дно, словно и не собираясь отпустить.

«Фантом», – наконец начинаю соображать, но как ни странно эта мысль меня не пугает. Если сущность надо мной – фантом принявший облик человека, умереть от его рук будет всё же приятней, чем разлагаться в желудке у членистоногой твари.

Выпускаю на свободу последние пузырьки воздуха, провожая их взглядом, и собираюсь позволить глазами закрыться, как небо над нами озаряется алым пламенем, огненные дорожки пробегаются по ногам сущностей и обвивают их тела золистыми языками. Рябь из огня пронесется по поверхности воды, так что кажется, будто я ощущаю жар на лице, но пламя не касается нас. Оно клубится над водой, возносится к небу и словно лезвием острого клинка разрушает фантомов на части, сбрасывая в воду один кусок плоти за другим. Я ничего не слышу, но кажется, будто нутром ощущаю визг бьющихся в агонии созданий, провожу его вибрацию сквозь себя и поверить не могу в то, что вижу. Это массовая материализация. Это массовое уничтожение фантомов, которое под силу лишь древним заблудшим.

Гляжу в озарённое ярким светом лицо заблудшего надо мной и только теперь понимаю, кто он.

Дёргаюсь, пытаюсь вырваться из крепких рук, но хватка его настолько сильна, что всё, что выходит, это нелепо колотить ногами по дну. Вода уже вовсю проникает в рот и нос, скользит по глотке и набивает лёгкие.

Хочется кричать, умолять, чтобы отпустил. Зачем спасал, если продолжает убивать меня?! Если он не фантом! Если он такой же, как я! Если мы оба – заблудшие в Лимбе души!

Но заблудший не отпускает. Он – словно тяжёлый камень прибивший меня ко дну. Словно якорь, подобранный меня под себя, выбраться из-под которого не удастся, сколько не пытайся.

Пойми. Смирись. Исчезни.

Пойми. Смирись. Исчезни.

«Я не хочу умирать», – последняя мысль проносится в голове одновременно с картинкой из моего ночного кошмара, когда озеро поглощает меня в своей пучине... и чёрные глаза заблудшего расширяются. Чьи-то пальцы впиваются в плечи и рывком поднимают меня со дна.

Яркий свет ударяет по глазам, размытый взгляд не удаётся сфокусировать, лёгкие стонут и горят в огне, пока кто-то несёт моё обмякшее тело к берегу.

Наконец ощущаю под собой твёрдую землю и чьи-то губы касающиеся моих.

– Катари! Дыши! – кричит Шоу, делая мне искусственное дыхание. – Дыши!

– Где... где он? – хриплю, сплёвывая на землю воду, пока Шоу помогает мне перевернуться на бок.

– Всё хорошо. Ты будешь в порядке. Лёгкие скоро регенерируют.

– Где... он? – повторяю вопрос, продолжая кашлять и держась за грудь.

– Кто он? О ком она говорит? – раздаётся сбоку незнакомый мне женский голос, но я слишком слаба, чтобы сейчас найти взглядом ту, кому он принадлежит.

– Кроме нас в этом секторе больше никого не осталось, – мягко произносит Шоу, поглаживая меня по спине, пока я продолжаю корчиться на земле и кашлять. – Катари... всё хорошо.

– Я видела... – отрывками хриплю я. – Видела... его.

– Кого? – вновь раздаётся женский голос. – Здесь только мы трое и этот новенький идиот-сатанист.

Приоткрываю тяжёлые веки и натываюсь взглядом на парня в нескольких метрах от меня. Сидит в траве и заторможенным взглядом подведённых чёрным глаз палится на кусок головы от разорванного членистоногого. И этот парень – не тот, кого я ищу.

Переваливаюсь на спину и всё ещё заплывшим взглядом нахожу встревоженное лицо моего друга Шоу.

– Где он? – повторяю слабо.

– Кто, Катари? О ком ты говоришь? Здесь только мы четверо.

С поддержкой Шоу принимаю сидячее положение и хватаюсь за голову от внезапной вспышки боли.

– Это у неё пройдёт, – говорит женщина. – Жить будет.

Резко поднимаю голову, терпя боль, встречаюсь взглядом с высокой блондинкой стриженной под мальчика и повторяю вопрос громче:

– Где Рэйвен?!

Брови женщины удивлённо приподнимаются, а изо рта выпархивает короткий смешок:

– Я – проводник, милочка. И даю тебе стопроцентную гарантию: если бы какой-то там Рэйвен хотя бы на секундочку сюда заглянул, я бы это почувствовала.

Глава 4

Блондинку стриженную под мальчика зовут Соня. Всем своим видом эта женщина кричит о безумной самоуверенности и о супер навыках идеального заблудшего, которых кроме как у Сони больше и нет ни у кого, что, разумеется – чушь собачья.

У Сони высокое стройное тело с неплохим рельефом мышц, так что вполне возможно при жизни эта женщина была на «ты» со спортом. У неё вытянутое лицо с ярко выраженными скулами и острым подбородком и будто всё время прищуренные тёмно-серые глаза.

И да, Соня – проводник.

Но это ещё вовсе не значит, что у неё найдётся свободный денёк-другой и она снизойдёт до милости помочь двум не внушающим доверия душам, которые ещё и изгой ко всему прочему. Надеюсь, навыки Сони не настолько сильны и она этого не почувствует.

А вот то, что она и этот странный новенький заблудший готической внешности с чёрными перьями в волосах делают в промежуточном секторе, пришлось выяснять.

– Для начала, – окинув меня придирчивым взглядом, с уверенностью произносит Соня, – раз уж фантомная энергия в этом секторе всё ещё активна, реализуй-ка ты себе каких-нибудь шмоток, а то я твоё бельё вижу. Что за дыры? На пожаре побывала? Ну? Чего ждёшь? Не можешь?.. Чёрт... опять самой всё делать придётся. Какой у тебя размер?

Не отвечаю. Всё ещё пытаюсь откашляться после доброй порции воды, которой наглоталась и всё ещё пытаюсь утихомирить лихорадочно соображающий мозг, недавно продемонстрировавший мне того, кого в этом секторе и в помине не было. Ведь, по мнению Сони, временным массовым уничтожением фантомов мы обязаны лишь новенькому заблудшему, а не какому-то там легендарному Рэйвену, которого, по сути, я до этого и в глаза-то не видела. Соня вообще звонко и долго смеялась с моей потрясной галлюцинации, ну да ладно, давайте обо всём по порядку.

– А во-вторых, – со вздохом Соня переводит твёрдый взгляд на Шоу, – убираемся отсюда, пока эти твари не вернулись к своему истинному облику и не продолжили трапезу.

Северное окно стёрто – Гром не врал. И даже Соня понятия не имеет, почему это случилось. Так что теперь мы шагаем на восток, вроде как по обходному пути.

– Мой отряд отправился в сектор фантомов за новеньким, – Соня идёт впереди всех вдоль русла реки и ни к кому конкретно не обращается. – Вот за этим. – Заблудший на которого она кивает, приподнимает голову и смотрит на неё совершенно безразличным взглядом. Нет – скорее потрясающе пофигистическим взглядом! Он развальным шагом идёт позади всех, слегка сутулится и будто совсем не расстроен тому, что недавно умер, ведь отметки «красного солнца» на нём так не нашли. Зато вот каких дел натворил этот новенький заблудший!..

– Это он! – безумно посмеиваясь, восклицает Соня, вновь кивая на парня во всём чёрном. – Это он материализовал всю фантомную энергию в секторе, где появился.

– Как это возможно? – хмурится Шоу, оглядывая парня удивлённым взглядом. – Разве новенькие на это способны?

– Нет! – продолжая посмеиваться, всплескивает руками женщина. – В том-то и дело! Новенькие души не способны на массовую материализацию, да ещё и на такую мощную! Да, их энергия неуправляема, но то, что сделал этот идиот, у меня в голове не укладывается. Весь мой отряд из-за него погиб! Слышь, клоун, о тебе говорю!

Парень лениво приподнимает брови, закатывает глаза и с цокающим звуком отводит взгляд в сторону.

– А он вообще говорящий? – интересуюсь я.

– Говорящий, – отвечает Соня. – Ещё какой говорящий! В секторе фантомов вообще было не заткнуть! Нашли его, когда этот псих кружился на месте с поднятыми руками и выглядел так, словно ему тут счастья вагон привалило, а не вечное скитание по Лимбу. Ну а потом... потом материализовал всех тех тварей; никто из нас даже глазом моргнуть не успел.

– Зачем?! – не понимаю, бросая взгляд на парня. – Может он просто не знал?

– Ага! – отвечает мне улыбкой Соня. – Прямо не дошло с первого раза, когда его попросили ни о чём не думать. Шутишь? Да у него аж глаза загорелись, когда услышал где он и кто теперь.

– А что с окном? – покачивая головой, интересуется Шоу. – Окно-то куда делось? Только не говори, что новенькие души теперь и на это способны.

С тяжёлым вздохом Соня останавливается, упирает руки в бока и делает шаг к Шоу:

– Окно не просто исчезло, здоровяк. Окно исчезло, стерев границу разделяющую два сектора, понимаешь о чём речь? Думаешь, как мы тут оказались?.. Просто бежали к окну, а вместо него прибежали к вам. Да и фантомы заодно туда же ломанулись. Потому что не было уже никакой границы.

– И что теперь? – подхожу ближе, хмуро глядя в лицо Сони. – Хочешь сказать два сектора стали одним?..

– Ага, примерно это и хочу сказать.

– Но это невозможно, – мрачно усмехаюсь, бросая взгляд на заблудшего-пофигиста. – Это ведь не он...

– Вряд ли, – перебивает Соня. – Окно было разрушено и это факт. Но как, чем, кем, каким вообще к чёрту образом и для чего... понятия не имею. Одно знаю точно – этот псих на такое не способен.

– А что если способен? – понижает голос Шоу, словно парень в чёрном его не услышит. – Массовую материализацию-то осилил.

Соня закатывает глаза, пожимает плечами и, не находя, что ответить, продолжает путь.

– Как ты это сделал? – Я равняюсь с новеньким заблудшим и вопросительно смотрю на его профиль. – И зачем?.. Ты хоть представляешь, сколько заблудших из-за тебя отправилось на перерождение?

– А ты прямо рыдаешь от горя, – безразличный взгляд заблудшего встречается с моим и на его губах расцветает кривая ухмылка. – Прости, бабуль, я не подумал о твоих чувствах. – Взгляд скользит по моим седым волосам, и плечи вздрагивают от короткого беззвучного смешка.

Отвожу взгляд и усмехаюсь в ответ: к подобным репликам уже давно привыкла и они нисколько меня не задевают. Подумаешь, седина в волосах. Будто это самое страшное, что есть в моей сущности.

– Люблю пауков, – вдруг произносит парень тихим заговорческим тоном, и дергает бровями в стиле «А что тут такого?».

– ТЫ от них избавился?

– Хм... может и я. А может и не я.

– Кто ты вообще такой? – оглядываю его с ног до головы. – Сектант? Поклонник Сатаны? Весёлая улыбка растягивается на его губах, но голос остаётся всё таким же пустым и безразличным:

– Может да... А может и нет.

– А ты всегда говоришь без интонации?

И я даже знаю ответ...

– Большого ты от него не добьёшься! – доносится голос Сони. – У парня очевидные проблемы с поддержанием диалога. Отведу его в мирный сектор, и пусть древние сами с ним разбираются.

– Жду не дождусь, – равнодушно отзывается парень, поворачивает голову ко мне и лениво подмигивает.

Через несколько часов русло реки круто виляет вправо, а мы продолжаем идти вперёд, в направлении пестрящего вдали луга с полевыми цветами.

– Ну а с вами-то что? – продолжает разговор Соня, адресуя Шоу взгляд через плечо. – Куда теперь без проводника?

Шоу прочищает горло и отвечает, глядя вдаль:

– Найдём другую группу пут...

– Кочевников, – перебивая, заканчиваю за него, озвучивая ложь, которую стоит озвучить в данных обстоятельствах. Равняюсь с Соней и повторяю увереннее: – Мы найдём другую группу кочевников и примкнём к ним. Просто доведи нас до мирного сектора.

– До какого именно? – глаза Сони становятся ещё уже. Ещё бы, проводника не так-то просто провести.

– Вы же кочевники, – говорит она, не сводя с меня рентгеновского взгляда. – Вот я и спрашиваю: до какого мирного вас нужно довести, чтобы вы встретились со своими коллегами по цеху?

– До Лютого города, – отвечаю, наивно веря, что эту женщину удалось обвести вокруг пальца, и она по доброте душевной согласится нам помочь. Но Соня лишь усмехается, задерживая взгляд на моём лице, затем отводит его и, будто ослышавшись, трясёт головой:

– Вот как. Значит... сначала я этого рыжего здоровяка из пасти фантома вытаскиваю. Затем спасаю его странную седую подружку, решившую поплавать на дне реки. После чего выслушиваю какой-то бред про Рэйвена, которого она и в глаза не видела, а я, якобы, фиговый проводник, раз не «засекла» его энергию в этом секторе. И вот сейчас вы двое окончательно дуру из меня делаете?..

Соня с раздражением смотрит на меня и зло бросает:

– Какие вы оба к чёрту кочевники? Я что, по-вашему, кочевников никогда не видела?..

Отвожу взгляд и пялюсь на сиреневые головки высоких полевых цветов, среди которых мы идём, как вдруг рука Сони врежется мне в плечо и она круто разворачивает меня к себе:

– Кто такие и какого чёрта делали с кочевниками? – нависает надо мной. – Все рыжие стоят на месте! Повторяю: куда шли, кто такие?

– А ты кто? Местный следователь? – расслабленно усмехаюсь. Вот никогда у меня не получалось ладить с проводниками. Какие-то они все... слишком заносчивые, что ли.

– Вы путники, – глаза Сони превращаются в две узких щёлки, а между густыми бровями показывается глубокая морщинка.

– Это был вопрос?

– Значит, угадала, – усмехается. – Что делали с кочевниками?

– Проводником их пользовались, – отвечаю, без капли стеснений. Роль путника меня тоже устраивает.

– Окей, – улыбка Сони становится шире и острее. Отталкивает меня от себя, делает шаг назад и с тем же недоверием глядит на сжимающего кулаки Шоу. – Зачем вам Лютый... путники? – Не слово, а плевков ядом. – С башкой не дружите? Вас не пустят в мирный сектор.

– А мы туда не корни пускать идём, – рычит Шоу.

– Тогда зачем? – мрачно улыбаясь, качает головой Соня, и парень в чёрном вдруг усмехается:

– Такие забавные. Как я и думал.

– Закрой рот, новенький, – рывкает на него Соня. – С тобой потом поговорим. – Смотрит на меня. – Ну, так зачем вам в Лютый?

Молчу. Думаю, что ответить. И ничего другого не остаётся, как:

– Нужно поговорить с одним из древних.

– С кем именно? – с насмешкой говорит Соня.

– С Мори.

Соня смеётся громче:

– А ты действительно глупая, девочка. Мори не станет с тобой говорить уже только потому, что ты путница. И ворота города – тот максимум до куда вам удастся дойти.

– Этого будет вполне достаточно, – уверенно говорю я. – Если Мори согласится поговорить.

– На воротах?

– Почему бы и нет? Разве два путника могут представлять угрозу для древнего?

Соня молчит, лишь прожигает меня подозрительным взглядом. И лучше ей не знать, какую угрозу я на самом деле представляю, иначе никакая встреча с древним точно не состоится.

– Это настолько важно? – наконец без смеха спрашивает она, и я медленно выдыхаю:

– Более чем.

Ещё некоторое время Соня раздумывает, глядя в сторону, затем пожимает плечами и твердо произносит:

– У вас нет шансов. Мори не станет с вами говорить, когда узнает, кто вы. Но так и быть... до Лютого я вас доведу и только потому, что нам по пути. А дальше разбирайтесь сами. И если отправитесь на перерождение, знайте – я предупреждала.

– Нам по пути? – удивляюсь. – Так ты проводник Лютого города?

Соня выдерживает паузу и устало смотрит на новенького заблудшего:

– Да. Но с некоторых пор вот подумываю сменить профессию. Эй, клоун, на месте стой, если в окно раньше времени провалиться не хочешь.

Парень медленно оборачивается и пытается найти за своей спиной то, о чём говорила Соня.

– Я буду долго ржать, если этот чудик и окна видит, – смешок Шоу раздаётся над головой.

– Ни черта он не видит, – Соня подталкивает нас к окну. – Треплется только больше чем весит. Эй, клоун, идёшь за мной. И глаза закрыть не забудь.

– Понятное дело, – парень одаривает женщину тяжёлым взглядом из-под полуприкрытых век. – Я похож на того, кто хочет ослепнуть?

– Откуда он всё это знает? – не понимаю я.

Соня кивает на окно и добавляет, прежде чем переступить черту:

– Доберёмся до Лютого, вот и выясним. Будет немного больно... клоун.

Следующим сектором становится заброшенный. Его отличие от промежуточного в том, что этот сектор уже много-много лет не видоизменяется. Раньше это был сектор фантомов, где появилась новая душа, но на этом дело и закончилось. Сектор не стал принимать другую материализацию. Лимб вроде как забыл о нём, а когда вспомнит, то сотрёт его и выстроит заново. Например, сейчас мы находимся в густом лесу смешенного типа с явными отличительными особенностями глубокой осени, а через лет пять-шесть этот сектор вполне может стать чем-то вроде заброшенного курорта с пляжными домиками и цветастыми зонтиками на берегу океана. Этого никто не знает. И не узнает, пока Лимб решение не примет.

Как отличить заброшенный сектор от остальных? Очень просто: стоит всего-то взглянуть наверх и найти там своё отражение. Отражение макушек деревьев, палой листвы под ногами и чёрной почвы... Здесь нет неба как такового. Не светит солнце, не проплывают мимо облака. Здесь даже птицы не поют и живность не водится. Этот сектор по-настоящему заброшен: мрачный, жутко тихий, безветренный, пустой.

– Ненавижу заброшенные сектора, – делится мнением Шоу, ступая по хрустящей палой листве, и этот звук кажется неправильно громким в вакуумной тишине этого места. Опасно громким.

– Здесь чисто, – отвечает ему Соня, выбирая направление к следующему окну. – По крайней мере, фантомов здесь точно нет, а остальные твари сунутся побояться, пока я с вами. И, по крайней мере, если кое-кому вновь не захочется продемонстрировать способности к материализации.

Парень в чёрном издаёт хриплый смешок и тут же делает вид, что просто покашлять приспичило.

– Воздух очень сухой, – добавляет с серьёзным видом.

Соня не отвечает. Ещё недолго кружится на месте и указывает в самую глушь леса, где настолько темно, что даже деверья с трудом различимы.

– Туда.

– Уверена? – спрашиваю, ступая за проводником.

– Ты сейчас пошутила? – смеряет меня взглядом Соня.

Ну а я что говорила?.. Проводники – суперзвезды Лимба, не подступись.

Разгребая ветки руками, равняюсь с ней и решаю продолжить разговор на тему моей галлюцинации, пока Шоу пытается что-то выяснить у новенького и забыл про меня.

– Ты действительно думаешь, что этот парень уничтожил всех тварей?

Соня бросает на меня насмешливый взгляд:

– А ты до сих пор веришь, что сам мистер-я-крутой-проводник-белая-ворона каким-то чудесным образом появился в секторе и спас тебя от фантомов? Да ты юмористка, девочка. Ты вообще Рэйвена хоть раз видела?

– Нет, – отвечаю честно. – Но у кого ещё в Лимбе белые волосы, чёрные глаза и способность к управлению настолько мощной массовой материализацией?

– О, смотрите-ка, фанатка Рэйвена нарисовалась. Считаешь его таким крутым?

– Считаю, что он это может. А завидовать его способностям довольно глупо.

– Завидовать? – Соня смеётся надо мной.

Я не справляюсь с одной из разлапистых веток и получаю ею по лицу.

– Ну ты ведь не осилила массовую материализацию, – потираю ладонью щёку. – Без обид. Это просто факт.

– Да плевать мне на твои факты, путница, – бросает на меня острый взгляд Соня. – Я знаю одно: Белой вороны не было и быть не могло в том секторе. Говорят, его вообще на части разорвало во время последнего похода за душой, не слышала?.. Так каким, мать твою, чудесным образом он мог оказаться там, где попросту не мог оказаться? Или Рэйвен у нас теперь ещё и телепортироваться научился? – Соня громко фыркает. – Не говори ерунды, путница. А не веришь, спросишь у него сама, когда до Лютого доберёмся.

– Рэйвен в Лютом городе?

– Ого, как оживилась! – весело приподнимает брови и, отведя взгляд, качает головой. – Был в Лютом. Недавно вроде как проводником заделался. А если слухи – правда, и сейчас наш крутой проводник на перерождение отправился, чёрт его знает, когда он объявится, да и объявится ли вообще.

– Почему бы и нет? Он ведь ничего не забудет. Слишком долго в Лимбе. Для такого как он, перерождение – простая формальность.

– Не забудет, – соглашается Соня. – Но отметкой «красного солнца», так или иначе, обзаведётся.

– Ты с ним лично знакома?

Соня фыркает:

– Слушай, почему мы вообще всё ещё говорим о нём? Забудь о том, что видела, путница! Не было с тобой на дне реки никакого Рэйвена! Фантазия разыгралась, головой стукнулась, глюк словила: выбирай, что больше нравится. Так! – Останавливается и исследует взглядом лес. – Надо южнее взять, пойдём в обход. Нет желания через Пустынный город переться. Древний у них – полный псих.

Вздыхаю и потираю подушечкой пальца висок.

Похоже, я действительно спятила. С какого чёрта мне вообще этот Рэйвен привиделся?.. Соне нет смысла лгать и если бы он был там, она бы это почувствовала. Значит... значит я действительно спятила, или как ещё это объяснить?

– Скоро ночь, – выдёргивает меня из раздумий голос Сони. – Сегодня будет жарко. Остановимся здесь. С рассветом в путь. И если поторопимся, уже через два дня будем в Лютом. Слушай, здоровяк, – обращается к Шоу, – иди-ка ты объясни своей подружке, что никакая Белая ворона к ней в гости не залетала, а то гляди и умом скоро тронется. А я пока проведу инструктаж с нашим выдающимся клоуном.

Шоу выразительно смотрит на меня, и я отворачиваюсь, не желая ничего обсуждать, как вдруг чьё-то горячее дыхание скользит вверх по шее, касается мочки уха и в голове раздаётся низкий позабавленный голос:

«А ты любопытная».

Вздрагиваю. Круто разворачиваюсь и со сбившимся дыханием пытаюсь отыскать владельца голоса.

Никого.

Что за...

– Катари, – настороженно зовёт Шоу, но я игнорирую.

«Не стоит пугаться... Пока что», – шелестит в голове тот же голос, и я вновь круто разворачиваюсь, делаю шаг в сторону, кружусь на месте и тяжело дышу. И вдруг замираю. Чёрные, как ночь глаза Рэйвена смотрят в мои. Белоснежные, как лебединое перо волосы развиваются на ветру, которого попросту нет и быть не может в заброшенном секторе, уголки бледных губ приподнимаются в насмешливой ухмылке, а тело охвачено слабым золотистым сиянием.

– Что ты такое?.. – выдыхаю едва слышно.

«Я – твой кошмар», – проносится в голове низкий, ленивый голос, и дыхание Рэйвена вновь обжигает кожу, скользит вверх по шее и будто кусочком льда касается мочки уха.

Вздрагиваю, чувствуя его прикосновения... Чувствуя, призрачное тело рядом с моим, развивающиеся локоны, как шелк скользящие по щеке, глубокое дыхание ласкающее кожу уха... Его тёплые пальцы пробегающие вниз по моей оголённой руке и обратно вверх – к плечу, к шее, к щеке... Замирают на том месте по которому меня ударила ветка и плавно поглаживают из стороны в сторону.

Боже... я всё же сошла с ума.

– Катари! Что ты там, чёрт побери, делаешь?! – туманной дымкой прорывается в сознание голос Шоу, а я и пошевелиться не могу. Даже вздохнуть не могу!

«До встречи в Лютом городе», – шелестом палой листы проносится в голове голос Рэйвена, и его губы припадают к моему уху. – Я буду ждать тебя там... анафема».

Глава 5

В эту ночь я не планировала спать. Заблудшие не нуждаются во сне так же, как живые люди. Заблудшим вполне достаточно трёх-четырёх часов отдыха в несколько дней, а некоторым и того меньше, ведь для мертвых сон становится уже чем-то второстепенным, не важным, напрасным... Наши сущности быстро регенерируют, а значит и мозгу требуется гораздо меньше времени на отдых.

Так что в эту сумасшедшую жаркую ночь, которую мы с Шоу проводили в заброшенном секторе я спать точно не планировала. Однако... звёзды были не на моей стороне, и меня настигло нечто гораздо более страшное, чем привычный ночной кошмар.

После того, что со мной случилось... После очередного припадка пресечённого прохладой речной воды, знала, что так будет. Знала, что цена моего спасения высока, и раз уж я не совладала с собой и не сумела остановить разрушение тела собственными силами и мыслями, а воспользовалась лёгким способом, придётся платить.

Придётся страдать.

Придётся терпеть.

А Шоу придётся что-то придумывать, чтобы оправдать моё безумство перед Соней.

– Катари... Катари, держись. Я с тобой, – уже находясь в бреду и крепко сжимая зубами толстую ветку, слышу бормотание Шоу. Голова покоится у него на коленях, и Шоу плавно поглаживает меня по волосам, утирает со лба испарину и просто говорит со мной. Постоянно говорит. Потому что так надо. Потому что я должна его слышать.

Не знаю, где в этот момент находится Соня и тот парень, которого, как выяснил Шоу, зовут Джак. Да и не волнуют меня сейчас эти двое... Сейчас меня вообще мало что волнует, потому что я – уже не я... Я – безликая, бестелесная субстанция летящая сквозь небесную пучину к мириадам холодных звёзд, каждая из которых хлещет по мне своим сиянием, как горящим в огне кнутом.

Мне больно. Нет... слово «боль» не подходит. То, что испытываю – нечто большее. Нечто в десятки раз превосходящее самую острую, жгучую, невыносимую боль на свете. Каждая клеточка безликого тела пропитывается ядом и пылает, как факел, привлекающий к себе внимание неких уродливых сущностей, названия которых я не знаю. Они липнут ко мне, как скользкие бесхребетные паразиты, вытягивают из меня все соки, саму душу, всё, что во мне есть, всё, что есть я.

Барахтаясь где-то в потёмках собственного разума меня опоясывает тьма, а сияющие вдали звёзды становятся далёкими.

Замираю. И ощущаю падение. Проваливаюсь, лечу вниз со скоростью света, прохожу через один круг ада за другим. Хочу кричать... вопить во всю глотку, но что-то крохотное, что-то слабое и с трудом различимое ещё живущее в глубине моего сознания напоминает мне этого не делать, иначе весь заброшенный сектор погрузится в протяжный вой умирающего зверя.

– Катари. Я здесь. Я с тобой, – далёкий, туманный голос Шоу всё ещё способен находить ко мне дорогу. У Шоу всегда получалось докричаться до моей души, когда она находится вне материального тела. Сейчас мою душу и моё тело связывает тонкая нить – моя единственная дорога вернуться обратно.

Но сперва я должна пройти через Это. Снова. Ощутить боль не знакомых мне людей, пережить вместе с ними последние минуты жизни.

Бросает из стороны в сторону, толкает в спину, пока перед лицом не оказывается первая душа не готовая впускать меня внутрь себя. И я не знаю, что всё это значит, происходит ли это на самом деле, или же это ещё одно проявление моего проклятия. Я ничего не знаю. Я просто вижу.

Моменты смерти. Одной души за другой. Я, как ураган врываюсь в их тела, насильно овладеваю ими, поселяюсь в них, захватываю разум, становлюсь с ними одним целым. Поглощаю души этих заблудших, забираю себе тела, пока они не разрушаются и мне не приходится искать новый «дом».

Картинки мелькают перед глазами разноцветным kaleidoscope. Боль напоминает о том, что я всё ещё там – рядом с Шоу, туманный голос которого пытается пробиться в моё сознание... И это может длиться часами. Долгими, безумными часами. Лица заблудших мелькают перед глазами размазанными пятнами, затем я пожираю их энергию, уничтожаю тела и отправляюсь на поиски новой души, нового «дома». Это – цена моего спасения. Это – цена моей слабости. Эта – расплата за то, что не могу справиться с проклятием собственными силами. И ещё... этому нет объяснения. Ни у кого.

Это продолжается до бесконечности, а я терплю, стиснув зубы. Жду, когда всё закончится. Просто мирюсь с этим... пока не вижу его.

Проводник с белыми, как снег волосами стоит на узкой лесной просеке и смотрит на то, что я есть теперь. Не знаю, что я из себя представляю, но Рэйвен видит меня, смотрит на меня в упор. Он выглядит задумчиво, слегка настороженно, но до безобразия уверенно в себе.

Недалеко от него на земле лежит дробовик, а рядом с оружием – два мёртвых тела. Больше ничего не успеваю рассмотреть, потому что срываюсь с места и мчусь в сторону проводника, готовая обосноваться в его теле.

Что-то во мне пытается найти способ остановиться, но это лишено смысла. Здесь, я просто вижу. Здесь, не управляю происходящим.

Рэйвен даже не вздрагивает, когда я, как острый клинок вонзаюсь в его грудь, пожираю, захватываю его тело, душу... О, да, его душа бесподобна – так я чувствую. Мне комфортно в нём и я могу назвать это чувство блаженной эйфорией, пока новая вспышка боли, такой сильной и такой ослепительной не ударяет по мне подобно небесной молнии. И я кричу. На этот раз действительно кричу. Эта боль ужасна. Эта боль нестерпима, она убивает меня, разрушает не только тело, но и разум, все чувства, все эмоции и даже мысли. Эта боль превращает меня в ничто.

Не знаю, что произошло дальше. Всё, что вижу в следующее мгновение – тело Рэйвена кусками разбросанное по лесной просеке. Всё, что чувствую – дикий страх и желание убраться подальше и как можно скорее.

– Катари!

Мои веки, наконец, распахиваются и первое, что вижу, это двоящееся перед глазами лицо Шоу.

– Что за чёрт?.. – тихий голос Сони проплывает над головой, а следом доносится чей-то протяжный свист: видимо Джака я особо повеселила.

Пытаюсь подняться, тут же жалею об этом и падаю на пол. На пол?..

Оглядываюсь. Мы больше не в лесу. Это место напоминает заброшенный деревянный дом со стойким запахом плесени и задрнутыми на окнах грязно-жёлтыми занавесками. Из мебели – массивный стол по центру помещения и парочка стульев вокруг. Несколько коек у стены заваленных невзрачным тряпьем, газовая плитка на столике у раковины, стопки жестяной посуды на подвесной полке и чайник с продавленным боком. А ещё горит керосиновая лампа и благодаря её тусклому свету зрение удаётся сфокусировать ещё сложнее.

– Мы в лесной хижине, – спешит проинформировать меня Шоу, помогая расположиться на одной из коек. – Промежуточный сектор. Иногда здесь останавливаются кочевники, чтобы отдохнуть, ну и проводники с отрядами не брезгают этим местечком.

– Сколько я проспала? – хриплю, пробегаясь пальцами по волосам – по той части, где они ещё не утратили свой пигмент. А вот и новая седая прядь появилась. Всё как всегда.

– Почти сутки, – отвечает Шоу, тяжело вздыхая. – Ты проспала почти сутки, Катари.

– Проспала? – с неуверенным смешком вмешивается в разговор Соня. – Я бы это так не назвала.

– Не сейчас, – стреляет в неё глазами Шоу, но Соня не собирается замолчать:

– Нет, послушайте! Ты тащил её на себе почти сутки, в то время пока эта странная по всем меркам заблудшая кричала и бредила, а иногда ещё и рычала как одержимая самим дьяволом, а теперь мы вот так просто должны пожелать ей доброго утра?.. – Соня круто разворачивается ко мне. – Ты кто такая, мать твою?

– Понятия не имею, – отвечаю, сбрасывая ноги с кровати. – Для этого мне и нужно поговорить с Мори.

Соня цокает языком и встряхивает головой:

– Думаешь, у Мори есть ответы?

– Всё, что мне нужно знать, это как попасть в сектор крика. Б`ольшим я твоего древнего не побеспокою.

Соня выдерживает паузу, пока я принимаю у Шоу из рук бутылку с водой и делаю несколько глотков обжигающих пересушенное горло.

Замечаю, что ещё один заблудший не сводит с меня рентгеновского взгляда и выглядит как одна из набитых соломой кукол, то есть – абсолютно никак.

– Чего? – киваю Джаку и тот, наконец, оживает, коротко пожимая плечами:

– Ничего.

– Наконец понимаешь, в какое место попал, да?

– Скорее, лишь убеждаюсь в правильности своего решения, – отвечает монотонно и слегка в нос.

Соня круто разворачивается к нему:

– Так ты суицидник, что ли?

Внутри всё сжимается от этого слова, а Джак переводит на Соню ленивый взгляд:

– Кто сказал?

– Ты только что практически прямым текстом объявил, что рад своей кончине, – едва ли не с абсурдом усмехается Соня. – И откуда ты вообще столько знаешь о Лимбе, новенький?

Губы Джака растягиваются в расслабленной ухмылке:

– Я также знаю, что ничего не обязан рассказывать какому-то там проводнику. Вот так сюрприз, да?

– Оставь его, – одёргивает Шоу закипающую Соню. – Древние сами с ним разберутся.

– Ладно, – усмехается Соня, складывая руки на груди и кивая на меня. – Тогда вернёмся к этой красотке?

– Мне больше нечего тебе сказать, – сиплю, всё ещё слабым голосом, уже начиная дрожать от холода, потому что сегодняшняя ночь именно заморозки и предусматривает.

– А жаль, – Соня фыркает и с важным видом опускается на один из скрипучих стульев. – Потому что уже завтра к вечеру ты могла бы оказаться в Лютом городе, но раз тебе больше нечего сказать...

– Ей правда, больше нечего сказать! – вдруг рычит Шоу, так что даже я вздрагиваю. – Ясно тебе?! Мы не знаем, что происходит с Катари! И если ты не собираешься помочь нам, то почему бы тебе прямо сейчас не свалить и не тратить на нас зря время?!

Соня лишь склоняет набок голову и широко улыбается в ответ:

– Я своих слов на ветер не бросаю, здоровяк. Но если вас обоих прикончат ещё на воротах, без обид, договорились?

К вечеру завтрашнего дня, как Соня и заверяла, мы четверо уже стоим перед высокими стальными воротами с разбегающимся в стороны каменным ограждением и ожидаем, когда постовые соизволят открыть нам.

А я уже успеваю пожалеть, что не попросила Соню материализовать для меня каких-нибудь вещей потеплее, вместо джинсовой куртки и тонких штанов, потому что Лютый город сполна оправдывает своё название; теперь я это понимаю, стуча зубами от холода и обнимая себя руками.

– В этом секторе не бывает тепла. Снег идёт редко, но температура воздуха всегда ниже нуля, – выпуская изо рта облачка пара, Соня решает просветить тех, кого даже не пустят в город.

У нас с ней договор: сразу после разговора с Мори – если и тот состоится, – она выводит нас с Шоу в ближайший промежуточный сектор и наша дальнейшая судьба её не касается.

– Как же заблудшие здесь живут? – оглядывая местность за спиной, бурчит Шоу. – В постоянном холоде... Это ж двинуться можно.

– Мы привыкли. – Соня кивает в сторону. – Видишь лес вдаль? Отлично на дровишки идёт. А уже к утру деревья вырастают заново, материализация мирных секторов не видоизменяется, так что и на вечный холод жаловаться не приходится, в домах тепло.

С лязгом металла двустворчатые ворота перед нами разъезжаются в стороны и на пороге появляются двое заблудших-мужчин.

– Где твой отряд? – хмурится высокий с широченными плечами, непонимающе глядя на Соню.

– И тебе привет, – вздыхает та. – А отряд где-то перерождается, так что готовьте новые отряды, чтобы идти за ними.

– Как так...

– Потом расскажу, – перебивает Соня и косится на нашего пофигиста в чёрном. – Его сразу к древним ведите. Странный малый.

– А эти кем будут? – второй мужчина кивает на нас с Шоу.

– Путники. От своих отбились, – не задумываясь, отвечает Соня, и на мгновение я даже испытываю некую обиду, что она не передумала и не представила нас кочевниками.

– Здесь им что надо? – меняется в лице широкоплечий и зло смотрит на меня. – Что с её волосами?

– Да чёрт его знает, – легкомысленно отзывается Соня. – Перед смертью перенервничала. Я замёрзла, кстати. Так что давайте, шевелитесь. Ты, забирай этого клоуна, а ты, иди, позови Мори.

– Не надо меня звать, – улыбается заблудшая показавшаяся из-за спин постовых. – Я уже здесь.

– Мори? – Соня неловко прочищает горло. – Прости, что привела их, просто...

Женщина поднимает изящную кисть ладонью вперёд, и Соня тут же замолкает.

Да и у меня как-то дар речи пропадает при виде настолько красивой души. Эта заблудшая не просто уважаемая древняя, но ещё и потрясающе красивая женщина. Насколько красивая, что боковым зрением замечаю, как у Шоу невольно отвисает его небритая челюсть.

Высокая фигура Мори с эффектными формами, наверняка будоражит фантазию ни одного мужчины в этом секторе. Чёрные лощёные волосы волнами ниспадают на плечи, струятся по груди и слегка завиваются на самых кончиках. Карие раскосые глаза смотрят с интересом, а каждый взмах пышных ресниц завораживает и будто замедляет время. Несмотря на погоду, на Мори длинное платье в пол; струящийся шелк подчёркивает каждый изгиб её тела, а тёмно-вишнёвый цвет эффектно оттеняет оливковую кожу.

Вот уж не ожидала я встретить такого древнего.

Мори двигается плавно и грациозно, как кошка, делая шаги в нашу с Шоу сторону и замирает прямо передо мной, слегка опускает голову, потому что я оказываюсь на полголовы ниже её и мягко, но не без ехидства улыбается:

– Когда? – спрашивает тихим мелодичным голосом, и как ни странно я сразу понимаю, что она имеет в виду мои припадки.

– Два дня назад, – отвечаю спокойно.

Мори замолкает, но не сводит с меня пристального взгляда, который я в свою очередь выдерживаю с достоинством.

– Хорошо, – наконец произносит, плавно переводит взгляд на всё ещё заторможенного Шоу и негромко усмехается, так что щёки моего друга тут же заливаются краской и он спешит отвести взгляд.

– Интересная у вас компания, – Мори вновь смотрит на меня, наклоняется к самому уху и вкрадчиво шепчет: – Прокажённая душа и... пустой.

– Пустой? – тут же подхватывает «клоун» Джак, который чёрт пойми как это услышал, и я стреляю в него угрожающим взглядом. Но поздно... теперь это слово не повторяет только что очень ленивый заблудший, к коим ни Соня, ни её товарищи на воротах не относятся.

– Так Шоу пустой? – присвистывает Джак и мне хочется вырвать ему все перья из волос за то, что он так не вовремя научился проявлять эмоции.

– Знаешь, кто такие пустые? – тонкие брови Мори приподнимаются и она удивлённо смотрит на этого чёртового клоуна!

– А он вообще неоправданно много знает, – рычу я, испепеляя Джака взглядом. – А ещё языком чешет не к месту!

– Так Шоу пустой? – продолжает с удивлением вздыхать Соня, не сводя с моего друга огромных глаз. – А я думала... он просто «зелёный» ещё совсем. Вот чёрт! Кто бы мог подумать.

В такие моменты меня душит желание превратить этих идеальных придурков в рой идеальных муравьёв и передавить всех до единого!

Шоу смотрит на меня и слабо качает головой, взгляд говорит: «Не делай глупостей, Катари. Я в порядке».

Только ни черта он не в порядке!

Шоу уже больше пяти лет в Лимбе. И обычно к этому «возрасту» некоторые заблудшие, которые впоследствии становятся проводниками, уже начинают чувствовать окна в другие сектора, или же, как минимум – силу чужой энергии, скопления фантомов, материализацию, ну или хотя бы свою собственную энергию. В Подземном городе все ставили на то, что Шоу станет проводником, ведь у него были все задатки, но... к досаде многих духовное развитие моего друга остановилось, словно кто-то обрубил его задатки на корню. Теперь Шоу вообще ничего подобного не чувствует. Он, как обычный человек в этом плане, но с определёнными умениями по материализации мыслей. Да и на этом всё. Таких, как Шоу не много и у таких, как Шоу тоже есть второе имя... Их называют «пустыми». Так что я даже не была удивлена, когда этот парень узрел во мне родственную душу.

И я никому не позволю смеяться над этим парнем у меня на глазах!

– Эй ты, дубина, закрой рот! – срываюсь я на мужчину в воротах. – Ты и пальца его не стоишь, псина сторожевая.

– Катари! – рычит мне в спину Шоу, а Соня в этот момент сдерживает уже рвущегося ко мне заблудшего.

– Достаточно, – мелодичный, но строгий голос Мори действует на меня отрезвляюще и я, сжимая зубы, заставляю себя замолчать и не делать того, о чём потом пожалею.

– Вы двое, – Мори обводит нас Шоу пронизательным взглядом, грациозно разворачивается и шагает обратно в город, – идите за мной. Новенького отведите к Нейту.

– Мори! А ты точно знаешь, что делаешь?! – кричит ей в спину Соня, но Мори не отвечает. Надеюсь, она и вправду знает, что делает.

Глава 6

– Надеть капюшон, – велит мне Мори, быстро двигаясь по широкой дороге с серым утоптаным песком, и я нехотя натягиваю капюшон на голову. Я никогда не стеснялась седины в волосах, и мнение окружающих на этот счёт особо не беспокоило. Возможно дело в том, что в Подземном городе все и так знали, кто я такая и скрывать себя было незачем, а может... может мне действительно всё равно.

Однако волнения Мори я понимала.

Заблудшие выскальзывали из своих одноэтажных каменных домиков, впритирку расположенных по обе стороны от центральной дороги и с любопытством провожали взглядами двух незнакомых им душ. Некоторые перешёптывались, другие не находя ничего интересного возвращались к своим делам, а некоторые, в основном дети, которых тоже в Лимбе немало, не стесняясь спрашивали, что это за странный у меня цвет волос.

Сколько нахожусь здесь, всегда удивляюсь: люди со спокойствием принимают сам факт жизни после смерти в проклятом месте, но продолжают дивиться таким мелочам как седина в волосах девушки.

– Это главная жилая улица, – делится Мори, обращаясь к нам с Шоу. – Большого вам знать не положено, ведь уже через несколько часов вы покинете это место.

Кто бы сомневался.

Мори приводит нас в одно из множеств невзрачных каменных строений внутри которого в противовес оказывается очень даже уютно, подбрасывает дров в камин и указывает на круглый столик на четырёх изогнутых стальных ножках.

– Присаживайтесь.

Стоит опуститься на не менее изящный стул с высокой резной спинкой, как перед нами с Шоу оказываются антикварные чашки с дымящейся в них золотистой жидкостью, в которой плавают цветочные лепестки.

– Пейте. Просто чай. – Мори опускается на противоположный стул и делает глоток из точно такой же чашки.

– Мы сюда не чай пришли пить, – не очень-то вежливо отзывается Шоу, и я чувствую в его голосе обиду за то, что эта женщина недавно опозорила его перед своими соратниками.

– Хорошо, – Мори со звоном опускает кружку на стол и взгляд её наливаясь свинцом: – Чего ты от меня хочешь, прокажённая? Помощи?

– Её зовут...

– Шоу, не встречай! – осаждаю друга и отвечаю Мори таким же жестким взглядом. – Разве ты можешь мне помочь?.. Разве кто-то из заблудших, пусть даже древних, наделён властью избавлять прокажённые души от проклятия?

Мори складывает руки на пышной груди, эффектно отбрасывает волосы за спину и откидывается на спинку стула:

– Ты же знаешь, что нет, – улыбается она. – Даже в случае с твоим весьма странным проклятием.

– Но я не просила приводить меня в этот дом и поить чаем.

– Говорить на воротах было не очень-то удобно.

– А приводить в город прокажённую удобно вполне, – парирую, отодвигая от себя чашку подальше. – Скажи, как найти сектор крика и мы уберёмся из вашего города.

Каблуки Мори отстукивают по деревянному полу, когда она достаёт из навесного шкафчика вазу с печеньем и ставит её на стол.

– Как тебя зовут? – спрашивает, смягчившись.

– Все зовут меня Катари. Но я ничего не помню о том, кем была раньше.

– Совсем ничего?

– Ничего кроме момента смерти.

– Ну, это уже что-то, – кивает Мори. – Хотя полное и изначальное уничтожение памяти – большая редкость; видимо жизнь у тебя и вправду не сахар была. И кем же ты себя считаешь, Катари? – Она занимает своё место на стуле и встречается со мной блестящим взглядом, в котором искрятся язычки пламени от настенных керосиновых ламп. – Прокажённой? Анафемой?

Вздрагиваю от этого слова и невольно сжимаю под столом кулаками, в то время когда перед глазами проплывают воспоминания из заброшенного сектора: лицо Рэйвена, его голос, его слова...

Смешок Мори выводит из ступора.

– Ты не можешь быть Анафемой, Катари, – улыбается.

– И почему же?

Древняя щурит глаза:

– По-твоему, кто такие анафемы?

– А ничего, что ты так просто зовёшь их по имени? – озадачиваюсь я, и Мори плавно разводит руками:

– Анафемы не посещают мирные сектора. Слишком опасно. Так что, Катари, знаешь, что представляют из себя сущности, которых все так боятся? В последние годы их становится всё больше и больше к моему огорчению...

– Я пришла к тебе по другому вопросу.

– Нет. Ты пришла ко мне именно по этому вопросу.

Вздыхаю, откидываюсь на спинку стула и нехотя произношу:

– Анафема – это Осколок чьей-то души. По крайней мере, так говорили древние из Подземного города.

– Верно, – удовлетворённо кивает Мори. – Анафемы – Осколки душ заблудших, которые по определённым причинам были раздвоены при переходе из мира живых в мир мёртвых. Из-за нецелостности духовной сущности такой заблудший обретает... некие дефекты, которые в Лимбе именовали проклятием, а самих заблудших – прокажёнными. Самих же Осколков, не получивших материальное тело, а ставших сгустком энергии, прозвали Анафемами. Теперь ты понимаешь разницу, Катари?

Хмуро гляжу в красивое лицо заблудшей и соображаю:

– То есть Анафемы – это некие сгустки энергии, а заблудшие становятся прокажёнными, потому что лишаются этих «сгустков» при переходе?

– Верно. Однако раньше обе части одной сущности именовали анафемами, и только лишь когда заблудшие уверовали в то, что их нельзя называть по имени, основную часть души, то есть ту, у которой осталось материальное тело, прозвали прокажённой. Сгустки энергии, Осколки... остались анафемами. Не многие сейчас пользуются этим названием.

Я отвожу взгляд и всё ещё пытаюсь соображать, зачем Мори вообще всё это мне рассказывает, потому что...

– Но древние из Подземного города уверяли, что моя душа цельная.

– И это так, – с мягкой улыбкой кивает Мори. – Твоя душа не была расколота при переходе, Катари, поэтому ты не можешь быть той, кем себя считаешь. Я вижу тебя. И ничего подобного с твоей душой не происходило.

«Вот интересно. Тогда с какого перепуга сам Рэйвен назвал меня анафемой?.. Если это конечно вообще происходило на самом деле...»

– А как же змеиное проклятие? – мрачно усмехаюсь.

– Твоё проклятие – нечто иное.

– Что? Наказание за самоубийство? – без запинки выпаливаю, но Мори даже бровью не ведёт. – Древние из Подземного города, как один заверяли, что причина не в этом.

Мори долго и пристально смотрит мне в лицо, даже не моргая, а затем спокойно отвечает:

– Они правы. Души самоубийц не могут расколоться надвое, только если их душа не какое-нибудь исключение из всех правил. Я знаю законы Лимба, Катари, и точно могу сказать, что если и происходит раскол души, то только как следствие сопротивления смерти.

– Насильственно? – вставляет Шоу, и Мори кивает:

– Именно. А душа самоубийцы уже готова к тому, чтобы покинуть тело. Они уже наказаны тем, что никогда не упокоятся. Поэтому среди анафем не бывает самоубийц. К тому же, – Мори внимательно смотрит мне в глаза, – я не вижу на тебе отпечатка.

Что?.. Как это?

– Постой... – Трясу головой. – На мне нет клейма самоубийцы?! Тогда что такое я, чёрт возьми, каждый раз вижу во сне?! – кричу, не сдержавшись и тут же себя одёргиваю. Тяжело вздыхаю и чувствую, как мозолистая ладонь Шоу находит мою и крепко сжимает.

– Возможно она есть, – пожимает плечами Мори. – Но твоя душа настолько черна, что это не позволяет даже мне рассмотреть её.

– Ладно. Я не анафема, не прокажённая, и вроде как не наказанная за самоубийство, – говорю тихо, глядя на завитки пара выпархивающие из кружки. – Тогда что же я такое?.. Просто ошибка какая-то?

Мори вновь отвечает не сразу:

– Ты то, что ты есть, Катари. Лимб выбрал для тебя такую судьбу и всё, что ты можешь, это принять её.

– Лимб выбрал? – нервно усмехаюсь, глядя в умиротворённое лицо древней. – И сколько мне так существовать? Пока тело не состарится окончательно и я не стану чем-то другим? Чем я стану?

Мори лишь слабо качает головой и делает новый глоток из чашки.

– Ладно, – вновь говорю я, – просто скажи, как найти сектор крика и мы пошли отсюда.

– Зачем тебе сектор крика, Катари? – с искренним непониманием смотрит на меня Мори. – Тебе не найти в нём помощи.

– Потому что я не какой-то там Осколок? – фыркаю, отводя взгляд в сторону крохотного круглого окошка в стене и почти шёпотом добавляю: – Это всё, что мне остаётся. Разве ты не должна понять меня, Мори? – Вновь смотрю на древнюю. – Ты ведь и сама была прокажённой.

– Верить слухам? – усмехается женщина.

– Тогда скажи, что это не правда.

Мори делает очередной глоток и пожимает плечами:

– Когда-то очень давно я была прокажённой – заблудшей лишившейся части души, это правда. Но я не была тобой, Катари. Ты не такая. И в твоём случае искать сектор крика – абсолютно бесполезное занятие.

Опускаю кулаки на стол и придвигаюсь к Мори:

– Просто скажи, как его найти! Прошу...

Взгляд женщины тяжелеет, черты лица ожесточаются, а голос звучит тихо и предупреждающе:

– Тебе не найти его. Потому что сектора крика нет ни на одной из карт. Потому что сектор крика сам находит тех, кто в нём нуждается. Когда приходит время... Если... оно приходит.

– Значит, тебе просто повезло? – горько усмехаюсь.

– Просто я была готова принять его, когда он нашёл мою покалеченную душу.

– И как же понять, что он тебя нашёл? – сомнительно улыбаюсь, и губы Мори вновь растягиваются в улыбке:

– Просто. Ты будешь кричать. Очень. Громко. Кричать.

Оживлённые голоса снаружи становятся тем, что разряжает давящую тишину в помещении, и Мори первая поднимается из-за стола, шагает к окошку и будто что-то высматривает.

– Больше я ничем не могу тебе помочь, – добродушие вновь возвращается к её лицу и она вежливо указывает на выход. – Я лишь верю в то, что у каждого из нас свой путь, и ты сможешь пройти его до конца.

– Как будто она вообще нам чем-то помогла, – шепчет Шоу, подталкивая меня к двери, а в то время шум на улице усиливается, голоса становятся громче.

– Что там происходит? – открывая дверь, смотрю на Мори и впервые с момента нашей встречи её улыбка напоминает мне оскал чербера, а лицо не кажется таким уж и красивым.

– Пойдёмте. Это нельзя пропустить, – женщина первой выходит на улицу и кивает в сторону основной массы заблудших столпившихся на центральной дороге. – Рэйвен вернулся. И я не могу его не поприветствовать!

Впервые вижу такую реакцию заблудших на другого заблудшего! Все эти души будто сошли с ума, услышав, что какой-то там проводник Рэйвен вернулся в город. Он ведь проводник, разве нет? Тогда почему Соню не встречали так же? За какие вообще заслуги Рэйвен удостоился такой почести? Впрочем... какая мне вообще разница до всего этого? Теперь стоит подумать над тем, что весь путь в Лютый город был бессмысленным, потому что практически ничего нового о себе и о секторе крика я так и не узнала. Если не запуталась ещё больше.

Мори сообщает, что найдёт Соню и попросит её вывести нас в другой сектор до наступления ночи и растворяется в толпе. В то время когда Шоу, вцепившись мне в плечо, тянет за собой, чтобы поток заблудших не подобрал и меня, и ещё что-то ворчит о том, чтобы я вновь надела капюшон.

– Никому нет до меня дела, – восклицаю я ему в спину, пытаюсь перекрыть гул толпы. – Зрелище поинтереснее нарисовалось.

Шоу пользуясь своим крупным телосложением, работает как щит и продолжает вести меня вдоль домов, избегая общего потока заблудших, но те так или иначе задевают меня плечами и едва ли не сбивают с ног.

– Будем ждать Соню возле ворот! – кричит Шоу, обернувшись.

– Да, но там сейчас основное столпотворение! – отвечаю, но вряд ли он меня слышал. – Шоу! Шоу! – кричу, когда толпа уже поглотила меня и понесла на градусов двадцать левее.

Бурный поток толкает в спину, вынуждает спотыкаться о собственные ноги, врезаться в других заблудших и толкаться, как на одной из распродаж кочевников. Пытаюсь разглядеть в толпе рыжую макушку Шоу, но с моим не самым внушительным ростом всё что получается – нелепо подпрыгивать и ещё успевать шевелить ногами, чтобы не быть затоптанной сумасшедшими жителями этого города.

– Его, правда, убили?

– Правда, разорвали на части? – слышится то тут, то там.

– Рэйвена отправили на перерождение?

– Кто это сделал?

– У него теперь есть отметка «красного солнца»?

– Я хочу это видеть!

– И я хочу!

– И я!

Чёрт. Вот же угораздило.

Движение толпы замедляется, и заблудшие будто бы начинают сдвигаться к домам, расчищая центральную дорогу, так что давка становится ещё более невыносимой.

– Вон он!

– Вот он!

– Где? Покажите! – оживляется толпа, когда высокие стальные ворота захлопываются и очевидно – за кем-то.

И вновь меня несёт вперёд. В спину толкают и я, не справляясь с напором и равновесием, ударяюсь ладонями о жесткий холодный песок, как раз в тот момент, когда на пустой центральной дороге показывается долгожданный проводник.

Так и застываю, продавливая землю ладонями и глядя снизу вверх на проходящего мимо парня. И это зрелище действительно стоило того, чтобы увидеть его собственными глазами, а потом долго и тщательно перемывать этому Рэйвену косточки за то, кем он себя возомнил в каком-то дерьмовом Лимбе.

Надо было видеть его походку, его осанку, холодность и отстранённость будто высеченного из белого мрамора лица. Словно и не собралась на центральной улице половина города, чтобы лицезреть его появление, словно и нет здесь никого. Есть только Рэйвен, песок под ногами и свора насекомых, которая даже и взгляда его не заслужила.

Даже одежда кричит о том, насколько он крут и неприкосновенен. Высокие ботинки на шнуровке перетянуты десятками ремешков с медными пряжками. Чёрные штаны заправлены в голенища, на бёдрах парочка выпуклых карманов. Кожаная косуха тёмно-коричневого цвета декорирована не меньшим количеством ремешков, шипов и прибабасов, молния растёгнута, так что взгляду также доступна обычная чёрная футболка с глубоким V-образным вырезом, который выставляет напоказ мощную ключицу и жилистую шею. А ровно на выпуклом кадыке красуется красная гематома с запёкшейся кровью и разбегающимися в стороны кривыми дорожками кровеносных сосудов – отметка «красного солнца».

Толпа продолжает галдеть и громко переговариваться, пока Рэйвен будто не замечая всего этого неспешно шагает по центральной улице. Его белоснежные волосы мягко подпрыгивают в такт большим шагам и то и дело падают на глаза. Бесстрастные, ничего не выражающие чёрные глаза. Он смотрит ровно перед собой и с безразличием, которому можно даже позавидовать проходит мимо. В этот момент его голова будто нехотя поворачивается, взгляд опускается и встречается с моим: застывшим и оцепеневшим.

Проходит всего несколько секунд, за которые меня трижды успевают бросить то в жар, то в холод, но это время кажется вечностью. Я просто смотрю на равнодушное, каменное лицо этого заблудшего и не могу заставить себя встать с земли, расправить плечи и раствориться в толпе, потому что кем бы ни был этот Рэйвен мне он совершенно неинтересен. Но я ничего не делаю. Я просто смотрю. Просто не могу на него не смотреть.

И даже когда чьи-то руки обхватывают меня за талию и силой вздёргивают на ноги, я продолжаю рассматривать пустоту в чёрных глазах проводника; она завораживает, она пугает, она не отпускает меня.

– Катари, пошли! – голос Шоу звучит над головой, и он тянет меня в сторону. В это же мгновение брови Рэйвена будто бы заинтригованно приподнимаются, а взгляд переключается на моего друга, и первая живая эмоция проступает на лице проводника: губы растягиваются в позабавленной, саркастической ухмылке и изо рта вылетает облачко пара, как следствие беззвучного смешка. А затем он просто отворачивается и, возвращаясь к ампула мрачного принца Лимба, продолжает шествие по своей «красной дорожке».

Глава 7

– Ну и что это было? – Чувствую, как Шоу сверлит взглядом мой висок и уже в третий раз задаёт этот вопрос.

– Не понимаю о чём ты, – отвечаю, сидя на подлокотнике старого продавленного дивана, который кто-то разместил под одним из безлиственных деревьев недалеко от детской площадки. Да, в Лимбе даже детские площадки имеются, несмотря на то, что уже спустя десяток лет все эти беззаботные проклятые Богами детские души только внешне останутся детьми. Тела заблудших не меняются, сколько бы времени не прошло, и сколько бы раз тебя не отправляли на перерождение.

– Катари. Я тут с тобой говорю вообще-то, – недовольный тон Шоу даже как-то раздражает. И ещё мне хочется помассировать виски, просто рефлекторно, пусть даже голова не болит, потому что чувствую я себя настолько паршиво, как если бы мигрень разыгралась.

– С каких пор Белая ворона достаивает тебя такого взгляда?

– Какого, такого?

– Да без разницы какого! Он смотрел на тебя! Точнее – только на тебя.

– И что? – фыркаю.

Шоу пронизательно смотрит мне в глаза:

– А то, что всё начинается со взгляда. Рэйвен тебя заметил.

Надуваю щёки и раздражённо выдыхаю. Даже смотреть на Шоу не хочется, мелит пургу, честное слово!

– Если ты случайно это пропустил, то напомним: я там на земле вообще-то валялась! Хочешь не хочешь, а заметишь!

Лицо Шоу всегда багровеет, когда он пытается сдержать рвущиеся наружу эмоции, вот и сейчас происходит то же самое. Шумно опускается на другой конец дивана, недалеко от торчащих пружин и с силой потирает лицо ладонью.

– Вот и правильно, – бросаю, глядя на него в упор. – Приходи давай в чувства.

– И что теперь? – встречается со мной глазами Шоу.

– Что, теперь? Остыл?

– Я говорю: что будет теперь, Катари? Куда нам теперь идти? Что делать? Как вообще существовать дальше?

Меньше всего сейчас ждала от Шоу этих вопросов. Потому что у меня нет для него ни одного обнадеживающего ответа.

Пиная землю носами ботинок, пожимаю плечами и пытаюсь говорить мягче:

– Ты всё ещё можешь вернуться. Нэгмуд отстоит тебя перед древними, скажет, что поход со мной был ошибкой и...

– Поверить не могу, – Шоу смотрит на меня и разочарованно качает головой. – Поверить не могу, что ты сейчас это говоришь.

– А что мне тебе сказать? Что всё будет хорошо, Шоу? Что мы что-нибудь придумаем, Шоу? Что я ещё не в полном дерьме, Шоу?.. – Выдыхаю. – Прости... Просто... просто ты же видишь – это тупик. Я не знаю кто я, что я, и что нам делать дальше. Всё, что могу сейчас – это думать, как будет лучше для тебя. Ты и так столько времени рядом со мной таскался. Стал изгоем из-за меня...

– Я стал изгоем по собственной воле! – басистый голос Шоу раздаётся, как гром среди ясного неба, и ребягня на детской площадке с любопытством озирается в нашу сторону. – И ради тебя, Катари. Я не просил оценить этот поступок, но просто не говори того, что вынуждает меня чувствовать себя куском ненужного тебе дерьма, – тихо добавляет, и теперь Я чувствую себя куском того ещё дерьма.

– Мы что-нибудь придумаем, – неловко прочищает горло. – Даю слово, Катари.

– И чем я тебя заслужила? – горько усмехаюсь, одаривая Шоу тёплой улыбкой.

– Ну, – пожимая плечами до ушей краснеет тот и отводит неловкий взгляд. – Просто... это... замаяли, в общем. Где вообще эту проводницу носит?

– С Джаком, наверное, разбирается, – смотрю вдаль, пытаюсь разглядеть среди снующих по центральной улице заблудших Соню, которую нам было велено ждать. А ещё... да-да, а ещё я думаю о «Звезде» этого города. Все только-только вернулись к своим делам, проведя Рэйвена до самой площади. Куда дальше направился проводник – понятия не имею, да и не больно-то знать хочется. Что вообще это был за взгляд такой? Он что, насмехался надо мной и Шоу?.. Насмехался ведь! Сама видела!

Кем вообще эта Белая ворона себя возомнила?.. Павлином?

«До встречи в Лютом городе. Я буду ждать тебя там... анафема». А ещё вот это из головы надо вытряхнуть! Не было ничего. Всё – плод моего воображения, не иначе.

Анафема...

Пф-ф... Будущий древний не смог отличить меня от анафемы. Они вообще тут знают, кого на пост выдвигать собираются?

– Эй! – голос Сони раздаётся как раз вовремя, чтобы я и дальше не продолжила забивать себе голову этим горе-проводником. – Ну что? Готовы?

Соня останавливается перед нами с Шоу и выглядит слегка взвинчено.

Шоу тоже не оставляет это без внимания:

– Что? Так плохо?

– Что, плохо?

– Джек, – кивая, напоминает Шоу.

– А, да, – тяжело вздыхая, Соня упирает руки в бока. – Тот ещё новенький, чтоб его. Крепкий орешек. До сих пор не раскололся, откуда столько знает.

– Версии есть?

– У меня версия только одна! – невесело усмехается Соня. – С Лимбом происходит какая-то чертовщина и что-то подсказывает мне, что эта версия правильная.

– Древние не знают, что произошло с окном?

– Понятия не имеют, – пожимает плечами Соня. – Ну а если и имеют, то перетрут это чуть позже – между собой. Ну, или на совете.

– Совет собирается? – хмурится Шоу.

– Да. Уже собрали отряд для разноса «приглашений» по другим мирным секторам. Видимо всё действительно так серьёзно, раз древние решили отобедать все вместе.

Переглядываюсь с Шоу и вижу в его глазах тревогу. Мне и самой-то беспокойно от всего этого. Кто-то, или что-то нарушает спокойствие Лимба, нарушает его правила и очевидно – объединяет сектора. А что случится, если границ между секторами не станет?.. Верно – ничего хорошего. Хаос, разруха... Апокалипсис в Лимбе. Ха. Ха.

– Ладно, чего мнётся? – смотрит на меня Соня. – Тебя не должно быть в мирном секторе, так что пора бы уже на выход.

Соня ведёт нас к городским воротам, но почему-то проходит мимо них, к не большому каменному строению по левую сторону, напоминающему сторожку, ну или... уличный туалет, не иначе.

– Это КПП, – поясняет Соня, открывая для нас с Шоу стальную дверь. – Подождите здесь, пока я у постовых отмечусь, что покидаю периметр.

– Ничего себе у вас тут правила, – усмехается Шоу, переступая порог. – В Подземном городе такой фигнёй никто не занимается.

– У каждого мирного сектора свой устав, – отвечает ему в спину Соня и кивает мне. – Скоро вернусь. Сидите тихо. Нечего вам на улице светиться.

Закрывает за нами дверь, и тесное помещение погружается в полумрак.

Хорошенький у них КПП. Кроме узкого стола, не менее узкого окошка и двух табуреток и нет ничего.

– Всё хорошо, Катари? – спрашивает Шоу, мягко опуская руку мне на плечо. – Ну... я про Ворону эту, да и вообще... погорячился я. Прости.

– Всё в порядке, Шоу, – тепло улыбаюсь другу. – Было бы из-за чего ругаться.

Шоу улыбается в ответ, затем озирается вокруг и вдруг непонимающе хмурится:

– Странно как-то.

– Что, странно? – пинаю носом ботинка ножку табурета.

– КПП и без постовых. Куда она вообще собственно отчитываться-то пошла?

Действительно... странно.

Круто разворачиваюсь и смотрю на дверь, за которой уже слышны шаги.

– Что-то не так, Катари.

– Даже если и так, – отвечаю шепотом, – бежать некуда, Шоу.

Прямоугольник белого света ослепляет глаза, когда единственная в помещении дверь резко распаивается, а на её пороге возникает тёмный силуэт.

– Прости, Катари, – звучит извиняющийся голос Сони, её рука поднимается и направляет что-то на Шоу, – ты же знаешь, что в мирных секторах материализация запрещена. Так что это единственный способ...

– Что ты собираешься... – начинаю кричать, подаваясь вперёд, но в это же мгновение слышится приглушённый выстрел, и я замолкаю, замираю, перестаю дышать.

Не верящими глазами смотрю на Шоу, который уже лежит на полу, слабо дёргается и прижимает руки к груди, а под ним медленно точно густой сироп расплзается чёрное пятно крови.

Соня выстрелила ему в грудь.

Эта сука выстрелила Шоу в грудь!!!

– С ним всё будет хорошо, даю слово, – звучит её голос совсем близко. – А вот тебя просили не дырывать.

Удар чем-то твёрдым прилетает в висок, думаю рукояткой пистолета, колени подгибаются, и я падаю на пол, уже через секунду теряя сознание.

Мутная вода хлещет в лицо, тяжёлые струи дождя бьют по голове, толкая всё ниже, на самое дно озера. Не сопротивляюсь, повинуюсь бурному течению, шагаю на глубину, камнем иду на дно, позволяя смерти принять меня в объятия...

Я знаю каждое мгновение этого кошмара, помню его наизусть, раз за разом переживаю то, что привело меня в Лимб. Снова и снова подписываю смертный приговор самой себе. И каждый раз после ослепительной вспышки света, когда боль острыми клещами разрывает тело на мелкие лоскутки, я просыпаюсь. Заставляю себя проснуться, вынырнуть из мутной воды одного кошмара в другой – в жизнь, которая стала моим наказанием после смерти.

Боль всегда проходит, стоит глазам открыться, но не в этот раз.

Голова раскалывается надвое и теперь мне не просто рефлекторно хочется помассировать виски... Теперь мне хочется зажать голову между колен и умолять тело быстрее регенерировать будто надвое расколотый топором череп.

А ещё меня тошнит, будто воды наглоталась. Но стоит вспомнить о том, что недавно произошло с Шоу и все мои физические проблемы становятся сущим пустяком.

Вращаю головой, пытаюсь оглядеться и только сейчас понимаю, что не могу управлять телом, потому что эта стерва Соня привязала меня к дереву толстым канатом, так что даже руками не пошевелить.

Моргаю, пытаюсь настроить зрение на темноту ночи и разглядеть поблизости хоть один движущийся силуэт, а в том, что поблизости есть кто-то с энергией заблудшего – даже не сомневаюсь. Я чувствую его. Точнее – её. Уверена, это Соня! Эта дрянь!

Знойная, давящая ночная жара и головная боль мешают сконцентрироваться на мыслях и материализовать тугие верёвки во что-нибудь не такое крепкое; не факт, что получится, но не рискнуть глупо. Пот струится по лицу, волосы липнут к шее и даже одежда насквозь промокла.

Ненавижу жару.

«Ладно, Катари. Сконцентрируйся и освободи уже себя, наконец! А потом найди эту стерву и придуши на месте!»

Но планам моим мешают. И это вовсе не Соня.

Негромкий низкий смешок раздаётся откуда-то сзади, и я замираю, настораживаюсь.

– Воспользуешься материализацией, и кое-кто получит разрешение попробовать тебя на вкус, – расслабленный мужской голос с низким бархатным тембром, прокатывается по телу.

Круто разворачиваю голову, но не нахожу никого рядом.

Тяжело дышу, так что тугая верёвка больно давит на грудь, но не роняю ни слова и убеждаю себя не паниковать. Кто бы это ни был, стоит один раз показать свой страх, и он станет рычагом для управления мною.

А потом вижу то, что мгновенно выдаёт мой страх со всеми потрохами, и я негромко взвизгиваю, глядя на два горящих в ночи жёлтых глаза принадлежащих не кому иному, как... волку.

Волку!

Что это за сектор, чёрт возьми, и что здесь делает эта тварь?!

Этот волк огромен, а его шерсть настолько черна, что далеко не сразу удаётся разглядеть очертания массивного тела. Единственное, что видно – два жёлтых и будто парящих в воздухе глаза.

Вот тут я и не выдерживаю:

– Что за чёрт?!

В ответ – тишина. Лишь голова чёрного хищника, будто не зная, что ответить на мой тупой вопрос плавно склоняется набок. А затем хищник обнажает острые зубы и утробно рычит.

– Нет, Лори, – вновь раздаётся мужской голос, и он совершенно точно принадлежит не волку. – Только если она избавится от верёвки.

Лори?..

– Какой идиот материализовал себе волчицу и назвал её Лори? – выдыхаю, всё ещё не веря тому, что вижу.

И этот идиот, наконец, решает показать себя.

Первое, что предстаёт взору – широкая обнажённая спина с перекатывающимися под блестящей от пота кожей мышцами: тугими и гладкими, будто обласканные морской водой камни. Широкие плечи играют бликами света от неполной луны и неспешно приподнимаются в такт широким шагам заблудшего. Бледная кожа кажется почти прозрачной в ночи, призрачной и настолько же притягивающей взгляд, насколько и отталкивающей его. У этого заблудшего узкая талия из разряда тех, которыми обладают либо заядлые спортсмены, либо от рождения идеальные мужчины, которым просто повезло с генами. Штаны низко свисают на бёдрах, так что видна светлая резинка трусов, а ещё этому заблудшему не стоило так быстро разворачиваться, потому что я хоть и прокажённая душа, но не деревянная! И только слепая, или полная дура смогла бы проигнорировать показавшиеся на животе, будто высеченные из мрамора, кубики пресса. настолько идеальные и ярко выраженные, что готова поклясться – даже при жизни мне подобного совершенства видеть не приходилось. Наверняка, не приходилось.

А потом я встречаюсь с его глазами и всё о чём думала прежде, вылетает из головы со звуком пушечного выстрела.

Глаз этого заблудшего практически не видно – так они черны. Белые влажные волосы липнут к жилистой шее, на которой плавно двигается кадык, играя «лучиками» от отметки «красного солнца».

Да что же это за проклятие очередное на мою душу?..

Рэйвен стоит передо мной и, склонив голову набок, пристально наблюдает за моей реакцией.

– Уверен, у тебя много вопросов, – лениво протягивает, приподнимая уголок рта в наглой ухмылке, – но я собирался поспать, так что задашь их с утра. Лори за тобой присмотрит. – Не обращая никакого внимания на моё убийственное выражение лица, этот чёртов Рэйвен бросает на землю куртку, ложится на спину, заводит руки за голову и прикрывает глаза, так что лунный свет, пробивающийся сквозь густую листву, теперь играет бликами на его умиротворённом лице.

Но мне как-то плевать, если честно, что Звезде Лимба приспичило поспать!

– Где Шоу? – требовательно рычу главный свой вопрос, всё ещё не в состоянии справиться с тяжёлым, рваным дыханием. Я настолько зла и одновременно в таком отчаянии, что хочется либо рыдать и биться в истерике, либо наплевать на эту Лори и разодрать глотку её долбаному хозяину!

– Я спрашиваю: где Шоу?!

– Шоу?.. Твой рыжий пёсик, что ли? – гнусно усмехается Рэйвен.

– Где он?! Почему Соня в него стреляла? Ты ей приказал?! – ору на весь сектор, и слышу угрожающее рычание Лори, которая неспешно ступает ближе ко мне. – Что смотришь, псина? – срываюсь и на неё, и первые горячие слёзы вырываются из глаз, обжигая кожу, словно одной ночной жары было недостаточно.

– Что ты за существо такое? – вновь смотрю на Рэйвена, в отвращении качая головой. – И зачем тебе я? Совсем с катушек съехал?!

Лори в это время прикусывает зубами мою штанину и, рыча, мотает головой из стороны в сторону.

– Отцепись! Отцепись от меня, псина! Эй, ты, проводник, прикажи ей отвалить от меня, или я... или я... – Дёргаю ногой, пытаюсь отшвырнуть от себя волчицу, но та с новой хваткой впивается зубами в лодыжку, и теперь я кричу уже от боли.

– Лори, – раздаётся протяжный вздох Рэйвена. – Оставь её. Завтра поиграешь.

– Ненормальный, – безумный смешок вылетает из моего рта. – Ты и твоя псина – оба ненормальные!

– А кто вообще сейчас нормальный? – вновь вздыхает Рэйвен, закрывает глаза и переворачивается на бок.

– Зачем ты меня сюда притащил? Зачем, такая, как я Белой вороне?!

Глаза Рэйвена мгновенно распахиваются и смотрят на меня так, что внутри всё холодеет от жесткости взгляда.

– А разве я не предупредил? – звучит низкий голос, от которого по коже невольно бегут мурашки. – Предупреждал ведь... что буду ждать тебя в Лютом городе. Так зачем же ты шла туда, анафема? Совсем глупая?

Теперь мурашки носятся по коже от понимания того, что мои галлюцинации были вовсе не выдумкой. Рэйвен приходил ко мне. Не знаю как, но приходил. И говорил со мной. И...

– Это ведь ты спас меня от фантомов в промежуточном секторе, – усмехаюсь горько.

– Не помню такого, – голос Рэйвена вновь звучит безразлично и он переворачивается обратно на спину.

– Это был ты. – И теперь я в этом уверена. – Ты уничтожил фантомов. Ты опустил меня в реку. И это ты не хотел отпускать меня, когда у меня закончился воздух!

– Ты мешаешь мне спать.

– Да пошёл ты!

И вновь слышен раздаётся надменный смешок.

– Дерзкая, – хищная улыбка светится в темноте, ярче луны в небе. – Но на твоём месте, анафема, я бы был помягче с тем, кто собирается тебя убить.

Глава 8

Звучит парадоксально, но иногда солнечные лучи способны дарить прохладу. После ночи кромешного Ада, когда тело плавится на углях, солнечные блики пробивающиеся сквозь зелень деревьев кажутся кубиками льда приносящими избавление. А стоит солнцу спрятаться за облако и жизнь вообще способна новыми красками заиграть.

Я не спала. Совсем. Не хотела снова погружаться в свой кошмар, да и не могла потратить последние часы тишины на нечто настолько бесполезное. Я думала. Всё это время. Обо всём и по несколько раз, но как назло ни одна нужная мысль так и не родилась в моём воспалённом мозге! А ещё когда с тебя здоровая чёрная псина глаз не сводит, так и вовсе как-то не соображается.

Но главное, что меня сейчас беспокоит, это не волчица, не её безумный хозяин спящий на земле и даже не я сама. Шоу – вот о ком волнуюсь больше всего. Что Соня с ним сделала: отправила на перерождение, или позволила телу регенерировать?.. А если и позволила, то, что будет с Шоу теперь? Куда он пойдёт, и как будет справляться, если лишён и всякой способности чувствовать энергию?..

Боже, это сводит меня с ума.

Не понимаю, зачем Рэйвен провернул всё это? Зачем велел подстрелить Шоу? Зачем привязал меня к дереву и сообщил, что собирается убить?.. Что я ему сделала? Где перешла дорогу? Какое вообще может быть дело проводнику до какой-то там странной прокажённой души? И главный вопрос – что мешало ему убить меня ещё ночью?

И вот... ещё секунду назад он лежал на земле, а сейчас его уже нет! Даже глазом моргнуть не успела, а от Рэйвена осталась одна примятая куртка.

Исследую взглядом лес залитый солнечным светом, чувствую, как прохладный ветерок остужает разгорячённую кожу и нигде не нахожу проводника. Нигде!

– Соскучилась?

– Боже! – вскрикиваю от неожиданности и с колотящимся о рёбра сердцем пытаюсь отодвинуться как можно дальше от этой наглой рожи.

Что вообще за привычка говорить в самое ухо?!

– Лори, держи. Хорошая девочка, – в руках у Рэйвена оказывается тушка мёртвого кролика, он бросает её волчице и та мигом впивается в неё зубами.

– Что? – многозначительно приподняв бровь, отряхивает ладони и смотрит на меня. – Хочешь такого же?

– Я не ем мёртвых кроликов, – смиряю Рэйвена холодным взглядом.

– А зря. Отличный источник энергии, – пожимает плечами и принимается натягивать футболку. А я с трудом удерживаю себя от того, чтобы не провести взглядом убегающие под тонкую ткань кубики пресса и косые мышцы живота.

Набрасывает следом куртку, кивает волчице, которая уже справилась с завтраком, разворачивается и, насвистывая себе под нос, устремляется вглубь леса, треща сухими ветками под ногами. Лори бросает на меня свирепый взгляд, обнажает зубы и трусцой семенит по стопам хозяина.

Эм-м-м...

Всё, что происходит настолько нелепо, что я даже не знаю, как это прокомментировать. Потому что я всё ещё здесь, всё ещё привязана к дереву, и понятия не имею, что делать.

– Кажется, мы что-то забыли, – слышу голос проводника обращающегося к своей домашней зверушке, а в следующую секунду тугие верёвки вокруг моего торса лопаются, как гнилые нитки, и я ударяюсь ладонями о сухую землю.

– Лори, – вновь звучит голос проводника, – иди, поторопи нашу девочку, а если не будет слушаться, разрешаю тебе с ней немного поиграть. Только шею не перегрызай, как тому в прошлый раз.

Этот невыносимо долгий день хочет меня добить. Он тянется, как резина, пока этот тупой проводник и мой новый надзиратель Лори тащат меня из одного сектора в другой. По сути ничего не меняется: одна природная материализация сменяется другой, по пути встречаются караваны кочевников, круто меняющие направление только завидев белую макушку Рэйвена, сам же проводник как молчал всю дорогу, так и молчит. Словарный запас видимо закончился, ибо очень короткий!

Уже сбилась со счёта, через какое количество окон пришлось пройти. И единожды даже попыталась сбежать навстречу группе кочевников, словно у тех действительно могло хватить духу отстоять меня перед Белой вороной. Неспроста ведь его так прозвали. Белую ворону сторонятся все, кто живёт вне мирных секторов. «Белая ворона» уже давно стало именем нарицательным, которым легко можно запугивать неподдающихся воспитанию новеньких душ. И эта Ворона тащит меня всё дальше и дальше от Шоу! Я даже понятия не имею, в какой части Лимба мы находимся и где собственно наша конечная точка.

А ещё после неудачной попытки побега, когда Рэйвену даже шевелиться не пришлось, чтобы догнать меня, ведь за него это сделала Лори, у меня теперь связаны руки. Тугой канат с такой силой режется в запястья, что даже пальцы онемели.

– Попробуешь снять и больше не стану заверять Лори, что ты не вкусная, – внушительным тоном сообщил Рэйвен и продолжил путь.

Промежуточный сектор, по которому шагаем сейчас, пестрит обилием золотистого песка, который то и дело проникает в ботинки и работает, как наждачка, а солнце печёт с такой силой, словно пытается поджарить всех имеющих здесь заблудших. И одного волка.

– Почему бы тебе не избавиться от меня сейчас? – бросаю Рэйвену в спину очередную мысль, даже не рассчитывая на ответ. Но нет, в этот раз проводник решает ответить, нехотя поворачивая ко мне голову:

– Зачем? Чтобы отправить тебя на перерождение, а потом снова искать? – Щурится. – Я что, дурак?

Этот ответ окончательно вводит меня в ступор.

– Но ты же вроде прикончить меня собирался.

– И я вроде как не передумал. Но не сейчас. Сперва надо кое-что сделать. – Ускоряется, так что мне приходится едва ли не бежать следом, потому как Лори уже давно точит клыки, чтобы попробовать на вкус не только мою лодыжку.

– Зачем ты приказал этой стерве выстрелить в Шоу? – кричу, обливаясь потом с ног до головы.

– Шоу? – оборачиваясь, хмурит брови проводник и отводит задумчивый взгляд в сторону. – А, Шоу... Всё время забываю, кто это.

– Ответь на мой вопрос!

– Откуда мне знать, что с твоим Шоу, – отмахивается. – Саня с ним разберётся.

– Саня? – думаю, что ослышалась, а затем смеюсь: – Чёрт, ты даже имени её не помнишь! Как она вообще пошла на сделку с тобой?

– Не было никакой сделки.

– А... ты значит, просто приказал ей это сделать? А Мори в курсе?

Рэйвен не отвечает. Молча тащится по песку с таким видом, словно на беззаботную прогулку выбрался. А потом вдруг хмурится и спрашивает:

– Кто такая Мори?

– Ты сейчас издеваешься, да?

– Мне надоело с тобой разговаривать.

– Куда ты меня тащишь? – сверлю его профиль взглядом, едва передвигая по песку свинцовые ноги.

Рэйвен выдерживает паузу, для чего-то смотрит на солнце и щурит один глаз, так что чёрные радужки отливают цветом горького шоколада, а затем резко меняет направление, и я едва поспеваю за ним падаю и кубарем скатываюсь с песчаной дюны. Лори бежит следом, злобно рыча и скалясь, а Рэйвен... чёрт, а Рэйвен наблюдая за тем, как я принимаю сидячее положение и, кашляя, выплёвываю изо рта песок, беззвучно посмеивается, тряся плечами.

Спускается по дюне вслед за мной и Лори, упирает руки в бока и со всем своим высокомерием смотрит на меня сверху вниз, как на только что отложившее личинку насекомое.

Не сдерживаюсь и отправляю ему в лицо горсть песка.

Первой на столь варварский жест реагирует Лори: набрасывается на меня и вдавливая массивными лапами в землю, но уже спустя секунду прыгает в сторону, а моя шея оказывается в захвате у Рэйвена. Он поднимает меня с песка, так что ноги барахтаются в воздухе, а я, хрипя и задыхаясь, цепляюсь связанными руками за его запястье и изо всех сил пытаюсь сделать вдох.

Больше проводник не намерен смеяться. Кажется на этом его «добренькая» сторона окончательно повернулась ко мне задом. Потому что взгляд чёрных глаз безумен настолько, словно он готов меня сожрать со всеми потрохами, а косточки бросить своей дорогой волчице. Черты его лица настолько напряжены, что вот-вот начнут лопаться сосуды, а челюсти так сжаты, будто он сдерживает себя с огромными усилиями, чтобы прямо сейчас не лишиться меня головы.

И теперь я понимаю почему Рэйвена все так боятся. Он не просто проводник, нет... Он самый настоящий псих!

– Ты думаешь, – притягивает к себе и шипит в лицо, – что я с тобой развлекаюсь?.. Что мне больше заняться нечем, как таскать за собой убогую анафему и умиляться её выходкам?

Пытаюсь ответить, но кроме хрипа изо рта ничего не вылетает, а мир перед глазами превращается в размазанные блеклые картинки.

«Почему ты считаешь меня анафемой?» – хочется спросить мне.

«За что ты со мной так?»

«Чем я это заслужила?»

«Что тебе надо от жалкой проклятой души?»

«И сколько времени нужно провести в Лимбе, чтобы стать таким психом?!»

– Проклятое существо, не имеющее права на существование, решило, что может требовать от меня ответов? – Лицо Рэйвена оказывается ещё ближе, так что чёрные радужки становятся тем якорем, который ещё не позволяет мне отключиться. Слова слышатся отрывками: – Смотри... Смотри, говорю! – Приподнимет голову, указывая на свою шею, где красуется отметка «красного солнца». – Видишь?.. Это ты... Ты это сделала.

Смотрю ему в глаза туманным взглядом и ещё пытаюсь сообразить, почему он обвиняет меня в том, к чему я совершенно точно не причастна? Но вместо того, чтобы бороться с отключающимся сознанием, протягиваю к Рэйвену руки и не по собственному желанию, а словно по чьему-то велению касаюсь пальцами отметки «красного солнца».

И всё меняется одновременно с расширяющимися глазами Рэйвена. Вспышка белого света ударяет по зрению, и я ощущаю удар, проваливаясь в темноту.

Глава 9

Я – маленькая черноволосая девочка с большими голубыми глазами. Мои босые ноги бегут по паркетному полу, а звонкий смех приглушённым эхом отражается от деревянных панелей на стенах. На мне пышное синее платьице, а в волосы вплетены крохотные полевые цветы.

– Где моя малышка? – смеётся высокий красивый мужчина, подхватывая меня на руки и кружа над полом. – Ну-ка посмотрите на неё! Какое красивое платье!

– Мама мне купила, – счастливо улыбаюсь, крепко обнимая мужчину за шею.

– Поставь её на пол, помнёшь платье! – строгий женский голос раздаётся за нашими спинами и в просторную гостиную заходит стройная женщина в белом брючном костюме. Она держит в руках детские тужельки цвета морской волны и недовольно поджимает губы. Её светлые волосы убраны назад и слегка приподняты на затылке, лицо кажется серьёзным и безупречным, с правильными тонкими чертами и выразительным макияжем.

– Мне сегодня пять лет, – улыбаюсь я маме. – И я разрешаю папе в последний раз подержать меня на руках. Уже завтра я стану слишком взрослой.

– И тяжёлой, – смеётся папа.

Мама тяжело выдыхает:

– Ну ладно. Нам пора. Машину сейчас подадут.

Отец берет меня под живот, и я, раскидывая руки в стороны, самолётиком лечу к двери и звонко смеюсь.

– Виктор, прекрати! Ты испортишь ей причёску! – мама шагает следом и качает головой. – Виктор, у неё ещё фотосессия сегодня!

– Мы с папой летаем, мам! – смеюсь от восторга. – Давай летать с нами!

– Люди не летают, – вздыхает мама, открывая перед нами дверь.

– А мы представим, что стали ангелами, – улыбаясь, смотрю на неё. – Ангелы ведь летают, мам?

– Ангелов тоже не существует, – снова вздыхает мама, указывая рукой на выход.

– А демоны? Они летают? Мы можем претвориться ими.

Мама хмурится и смотрит на папу:

– Откуда она этого набралась? Ерунду всякую перед сном ей читаешь?

– Полетели, пап! – не даю отцу ответить, и он вылетает со мной на улицу. – Мама не умеет летать!

За нашими спинами хлопает дверь, и новая вспышка белого света поглощает пространство. Что-то мокрое и холодное, толкающее меня в щеку, возвращает разум в реальность, и я не без труда поднимаю тяжёлые веки.

Морда Лори нависает над моим лицом и от неожиданности изо рта вырывается тихий писк.

– Чёрт, – приглушённо ругаюсь, пытаюсь оттолкнуть от себя волчицу, но та начинает скалиться, так что приходится послушно замереть и продолжить позволять ей дышать мне в лицо.

Голова раскалывается, как будто бы меня снова по ней чем-то хорошенько огрели, а мысли в ней не дают покоя. Неужели я только что познакомилась с матерью и отцом?... Неужели... это были мои детские воспоминания? И неужели я увидела их благодаря самому большому психопату в Лимбе?

Где он, кстати?

Лори, наконец, соизволят отодвинуть свою тушу в сторону, и яркое полуденное солнце на мгновение ослепляет. Сажусь и только сейчас понимаю, что на запястьях больше нет верёвки,

а наша компания больше не состоит из прокажённой, психа-проводника и чёрной волчицы... Потому что сижу я на песке в том же секторе, где почему-то отключилась, а прямо передо мной в метрах пяти идёт оживлённый разговор Рэйвена и группы... путников?!

А этим что понадобилось? Десять – не меньше, – грязных неотёсанных мужиков вооружённых до зубов и буквально каждый стреляет в мою сторону глазами. А Рэйвен, как ни в чём не бывало, стоит рядышком, упирает руки в бока и с потрясающим безразличием на лице выслушивает их главного.

– Я же сказал: она не продаётся, – скучающим тоном произносит Рэйвен и кажется, будто вот-вот зевнёт.

– У всего есть своя цена, приятель, – скалится путник: крупный и с сединой в сальных волосах. – Назови свою и разойдёмся.

Рэйвен прикрывает глаза и раздражённо вздыхает. А я вот думаю: неужели эти путники не понимают, с кем связываются?.. Или до этой компании слухи о Белой вороне ещё не дошли?

– Она. Не продаётся. Она – моя, – с расстановкой повторяет Рэйвен, смиряя путника неоспоримым взглядом и на какое-то мгновение я даже испытываю благодарность, что этот псих не желает продавать меня банде подонков. Но уже спустя секунду презираю себя за эту мысль, потому что...

– Да почему нет-то? Чего ломаешься? Продай нам своего волка, говорю! У меня есть информация, которая может быть тебе интересна!

Глаза Рэйвена сужаются:

– Что за информация?

– Ну вот, – басисто смеётся путник, – а я о чём? У всего есть своя цена.

– Что за информация? – повторяет Рэйвен, и голос его кажется острее лезвия.

– Э не-е-е... Сначала волка давай.

Голова Рэйвена лениво поворачивается в мою сторону и в этот момент Лори начинает рычать, скаля на путников зубы.

– Может и девку возьмём? – раздаётся голос одного из мужланов. – Смотри какая.

– Вроде ничего.

– Ну да, сгодится.

– Эй, приятель, а что с волосами у твоей подружки?

Рэйвен не реагирует, пристально смотрит на меня, и я абсолютно не понимаю выражения его лица и о чём он думает. Но точно знаю, что если моё сердце продолжит с такой силой биться о рёбра, то они вот-вот треснут.

– Девку мы тоже берём, – объявляет главный переговорщик, и Рэйвен медленно поворачивает голову обратно.

– Эй! Ну чего молчишь? Глухой, что ли?! Заворачивай, говорю!

– Откуда идёте? – вдруг спрашивает Рэйвен и этот его излишне спокойный тон предвещает ещё большую беду.

– С юга. А что?

Рэйвен с пониманием кивает, будто эти четыре слова рассказали ему много интересного.

– Чего раскивался?

– Теперь понятно.

– Что тебе понятно? Эй, парни, какой-то тупенький заблудший нам встретился.

Путники пускаются в дружный смех.

– Да так, – пожимает плечами Рэйвен. – До юга я ещё не дошёл.

– И что? – фыркает путник. – Слушай...

– И как там на юге? – интересуется Рэйвен. – Жарко?

Главный путник раздражённо вздыхает, кивает товарищам и отдаёт приказ:

– Достало меня это, парни. Берите девку и пошли отсюда.

– Э-э-э! Руки убери! Отвали от меня! – кричу, когда двое вонючих мужланов похабно скалясь, подхватывают меня под руки и тащат к остальным. – Отвали, сказала! Вы не знаете, на что напрашиваетесь! Я не шучу! – И имела в виду я вовсе не Рэйвена, а себя и своё проклятие, однако путники поняли иначе: уставились на Белую ворону и принялись гоготать.

Лори рычала и едва не откусила одному из путников руку, когда тот решил, что волка будет схватить также просто.

– Оставь волка. Девки хватит, – бросает главный, отдавая Рэйвену честь на прощание. – Будь здоров, приятель.

Путники тащат меня по песку, скользя мерзкими взглядами по телу, и уже начинают решать, кто будет иметь меня первым. А я с трудом сдерживаюсь, чтобы не обернуться и проверить, не решил ли Рэйвен отстоять и меня. Знаю, возможно не правильно думать о том, о чём сейчас думаю я... Но по крайней мере у этих путников иной интерес к моему телу, нежели у проводника, который желает мне смерти. Возможно, они даже отпустят меня, когда наиграются... Нужно просто это пережить.

Закрываю глаза, до боли кусаю губу и повторяю про себя как мантру:

«Нужно просто это перетерпеть, Катари. Просто перетерпеть.»

– Эй! Чего глазёнки закрыла? – хватает меня за волосы один из путников, а второй рукой лапает грудь. – О... смотри какая. А я думал совсем плоская!

«Просто перетерпеть...»

Кто-то сзади хватается за задницу и вновь раздаётся дружный хохот мерзавцев.

– Не, ребят, я первый! – оглашает кто-то. – Не дотерплю! – Звенит пряжка ремня и меня толкают на колени. Вновь чья-то рука впивается в волосы, а другая пальцами сжимает щёки и заставляет поднять голову.

– На меня смотри! – рычит главный, запуская руку мне в штаны. – О, типа держишься с достоинством? Гляди, как смотрит!

Не сдерживаюсь и посылаю плевок ему в лицо, а в ответ получаю пощёчину.

Путник продолжает возиться с ширинкой на моих штанах, и я уже практически сдаюсь собственной решимости перетерпеть всё это, собираясь заорать имя этой чёртовой Белой вороны, как рука путника играющая с ширинкой моих штанов с хрустом вырывается из плечевого сустава и, обливая меня кровью с ног до головы, отлетает на золотистый песок. Следом падает вторая рука, а сам проводник ударяется лопатками о землю и, под шокированные взгляды соратников, визжа от боли на весь сектор извивается на песке и заливают его алой кровью.

– Твою мать! – оживают другие путники.

Ор. Паника. Выстрелы.

Откатываюсь в сторону и плашмя падаю на живот, прикрывая голову руками.

То, что приходится наблюдать – картинка не для слабонервных.

Слишком много времени я провела в мирном секторе и слишком мало повидала, чтобы без замирания дыхания наблюдать за Рэйвеном и толпой атакующих его путников.

Он стоит на небольшой песчаной насыпи со сложенными на груди руками и абсолютно бесстрастным видом. Золотистые лучи солнца искрятся в белоснежных волосах, а лёгкий ветерок раздувает их в стороны. У ног сидит чёрная волчица и выглядит также спокойно и сдержанно, как её хозяин, в то время когда путники высаживают в этих двоих целые обоймы, пули которых, даже не долетая до цели, горами сыплются на песок.

Короткий кивок Рэйвена, и всё имеющееся у путников оружие в мгновение ока плавится у них в руках, так что заблудшие падают на колени и вопят от боли, стараясь избавиться от кипящего металла на коже. Те, кто не пострадали, ещё пытаются добраться до Рэйвена, но песок под ногами становится вязкой трясинной и стремительно пожирает тела путников, одного за другим.

От крика, что звучит на весь промежуточный сектор, хочется зажать уши руками, но кажется, я забыла, что такое двигаться. Всё, что могу – смотреть на Рэйвена, пока в голове вдруг не щёлкает мысль: а что если в этом хаосе мне удастся сбежать?

– Попробуешь сбежать, и оставшуюся дорогу будешь ползти, потому что я переломаю тебе ноги! – будто прочитав мои мысли, кричит Рэйвен, и я вновь чувствую себя жалким насекомым.

Он неспешно спускается с насыпи, замирает перед одним из путников по шею погребённым в песок, хватая за волосы и наполовину выдёргивает из земли.

– Кажется, безрукий путник что-то говорил о какой-то информации? – спрашивает у него Рэйвен, будто «который час» интересуется.

– Не помню такого! – орёт путник в ответ, и получает удар ботинком по голове.

Рэйвен скушающим взглядом обводит остальную банду, и половина из них разом с головой проваливается в песок, так что даже времени не остаётся на осознание момента смерти.

– Ладно-ладно! Я расскажу! – вопит путник перед Рэйвеном и срывается на жалкий плач. – Всё расскажу... Только пощади.

Рэйвен приседает перед ним и делает вид, что внимательно слушает.

– На юге... Сектора на юге... С ними что-то происходит, – рыдая бормочет путник. – Точнее с окнами! Кто-то уничтожает окна! Стирает подчистую, поэтому заблудшие покидают юг! Поэтому и мы отправились сюда! Пощади, прошу...

– Дальше.

– Это всё! Правда... Пощадииии.

– Дальше!

– Кто-то избавляется от проводников! Они все... все... будто исчезают куда-то, а некоторые... некоторые нападают на мирные сектора... Два мирных города на юге уже пали... Заблудшие тысячами отправляются на перерождение! И никто не знает, что, или кто всему виной! Это безумие какое-то! На юге творится страшная чертовщина! Это всё, что я знаю... Правда... Пощадииииии...

Шумно вздыхая, Рэйвен поднимается на ноги и устремляет к солнцу задумчивый взгляд. Стоит так с минуту-другую, затем заталкивает голову путника обратно в песок, так что остаётся видна одна лысеющая макушка и кивает Лори:

– Ты же не думала, что я отдам им тебя, правда?

Лори тихо скулит в ответ.

– Да ладно тебе, – усмехается Рэйвен. – Не обижайся. Можешь пойти доесть вон того. Только немного, а то плодиться начнёшь.

Принимаю сидячее положение и, не справляясь с рваным дыханием, во все глаза наблюдаю за тем, как Рэйвен приближается. Останавливается, загораживая солнце широкими плечами, и на лицо падает тень.

Смотрит на мою расстёгнутую ширинку, слегка хмурится и снова встречается взглядом с моими глазами.

– А я всё ждал, когда же ты сама вырвешь ему эту руку.

– К сожалению, не владею такой силой мысли, иначе у тебя бы уже давно не было головы.

– Хм, – ухмыляется, присаживается передо мной, хватая за молнию на штанах и резко притягивает меня к себе. – А что если Я захочу с тобой это сделать?.. Тоже плюнешь мне в лицо? – вкрадчиво шепчет, так что дыхание скользит по коже и вызывает непрошенные мурашки.

Смотрю на него самым жестким взглядом, на какой только способна и это всё, чем могу ответить.

– Правильно. Такого не будет, – кивает, и резко застёгивает молнию, так что я вздрагиваю. – Потому что я не трахаю Анафем. Я их уничтожаю.

– Так ты не проводник... – шёпотом слетает с губ.

– Конечно... нет. – Хладнокровно глядя в глаза, мягко проводит ладонью по моим заляпанным кровью волосам и заправляет локон за ухо. – Я палач. Нахожу и убиваю тварей вроде тебя.

Подмигивает и возвращается к волчице:

– Ну что, Лори, поела? Пойдём, у нас куча работы. И иди, подгони нашу девочку, она нас тормозит.

Глава 10

Рэйвена нет уже часа два – не меньше. И я понятия не имею, куда он ушёл, для чего и как скоро вернётся. Но точно знаю, что глупых идей насчёт побега лучше больше не допускать, да и вообще лучше не рыпаться, потому что здорового чёрного волка, который был ко мне приставлен, в одиночку точно не одолеть.

Кем бы ни была эта Лори и какое бы значение не имела для Рэйвена, она – живая материализация подвластная далеко не многим. Если Лори – обычный сгусток материи, такой же как, например, этот стол, или вон та бутылка виски на баре, то в принципе, изменить её образ не так уж и сложно, однако... материя Лори – живая. Такая же, как у меня, как у любого из заблудших, только бездушная, и что-то подсказывает мне, что лучше не рисковать. Если не выйдет – стать мне пленницей собственного разума и прозябать в потёмках своего кошмара веки вечные, пока кто-нибудь не сжалится над парализованной заблудшей и не отправит на перерождение.

Ещё одно правило Лимба – живую материю силой мысли изменять нельзя. И только к фантомам это не относится.

Но чёрт пойми, кто вообще эта Лори такая! Я не чувствую её энергию и, уверена, это тоже заслуга Белой вороны!

Он оставил меня и свою псину в секторе фантомов, который видимо совсем недавно принял материализацию некоего небольшого городка – шаблонного, милого, чистого... С выбеленным зданием мэрии, рядами аккуратненьких инкубаторских домиков с двускатными черепичными крышами, одной единственной школой на всё поселение, старыми забегаловками ещё времён 80-х, с частными фермами на окраинах и плодородными полями, а также несколькими водонапорными башнями снабжающими весь город, которые видно с любой точки. Городки вроде этого – квинтэссенция Америки... никогда их не любила. По крайней мере, так мне кажется.

Вот такая несправедливость. Я помню всё о реальном мире живых людей. Помню историю, помню праздники, помню мировые катаклизмы, названия стран, городов, рек, морей, имена сменяющихся один за другим президентов и даже знаю, кто сейчас вертит этот мир вокруг пальца... Я могу перечислить самых известных мировых модельеров и производителей элитной косметики и парфюмерии, названия журналов, популярных фотографов, артистов, музыкантов, актёров... Я всё это помню. Всё. Кроме своей собственной жизни. И даже не знаю, что любила из всего этого, какими были мои вкусы и увлечения, не знаю, чем занималась в жизни, были ли у меня друзья, парень... Как и не знаю, почему однажды решила себя убить. Но теперь, благодаря некому палачу по имени Рэйвен, я знаю, как выглядели мои родители. И теперь мне просто необходимо узнать больше. Теперь я хочу знать всё, до того, как уйду навсегда.

Сажу на одном из пошарпанных кожаных диванчиков за VIP-столиком и играю в гляделки с жёлтыми и горящими, как два фонаря глазами Лори.

У стен пылятся игровые автоматы с потухшими экранами, за барной стойкой серебряными бликами зеркального шара вращающегося под потолком, искрятся ряды бутылок с алкогольным содержимым, и я уже в который раз подумываю пойти и сделать глоточек-другой. А ещё этот самоуверенный идиот Белая ворона включил музыкальный автомат, бросил напоследок «Чтобы скучно не было» и оставил меня наедине с волчицей томиться в этом древнем казино, думаю, единственном на весь город.

И я не знаю, когда этот психопат вернётся. Как и не знаю, что он вообще забыл в секторе фантомов, где вероятно только сегодня появилась новая душа. Если он не проводник, а он не проводник, какого чёрта ему здесь понадобилось? Но разве Рэйвен ответит?.. Не-е-ет, он

только руки из плеч эффектно вырывать умеет, а вот грамотный диалог вести, как-то ну совсем не получается.

– Ну и что смотришь? – спрашиваю у волчицы, утопая в мягкой диванной спинке. – Моргни, если поняла.

Голова Лори склоняется набок, и тихое утробное рычание доносится из пасти.

Закатываю глаза и отворачиваюсь, вновь натываясь взглядом на обширную алкогольную продукцию.

Даже не знаю, пила ли при жизни. Но, поразмыслив, понимаю, что вкус алкоголя представить себе могу, значит – пила.

– Может, по стаканчику? – вновь смотрю на Лори, и рычание той усиливается. – Не пьёшь?.. А жаль. Я бы сейчас не отказалась.

А ещё есть хочется. Не помню, когда в последний раз вообще что-либо жевала.

Для заблудших, потребность в еде не уступает по минимальной значимости потребности во сне. Мы можем и неделю не есть, но рано или поздно приходится подпитывать организм энергией, и даже не обязательно, чтобы пищей было что-то вкусное и съедобное. К примеру, могу попробовать пожевать вон те окурки в пепельнице – отравления точно не будет. В Лимбе всё состоит из активной материи, которая и есть – источник энергии для заблудших. Вот только вкусы и предпочтения в еде никто не отменял и что-то совсем не хочется давиться окурками, когда вполне вероятно, что в казино полно и другой – нормальной, – еды.

А ещё мне нужны ответы. Очень нужны.

– Ну и где твоего босса носит? – спрашиваю у Лори, уже даже как-то привыкнув к её агрессии в мой адрес. – Развлекаться пошёл? Неужели он тебе нравится?.. Любишь психов?

Лори скалит зубы и подбирается ближе.

– Так ты всё-таки меня понимаешь. Может, поговорим тогда?.. Чего рычишь? Я не боюсь тебя. После встречи с твоим хозяином, думаю, я вообще больше никого не боюсь.

Рэйвен оставил здесь свою куртку, так что меня который раз уже подмывает поступить некрасиво и обшарить его карманы. Мало ли чего полезного найду. Но стоит только посмотреть на неё, и у Лори просто крышу от ярости сносит.

Она и вправду его любит? За что?

Проходит ещё минут тридцать, и я уже подумываю наплевать на всё и рвануть-таки к бару, но вдруг именно с той стороны раздаётся треск, оказывающийся способным заглушить даже звуки старого рок-н-ролла из автомата, и наши с Лори головы одновременно поворачиваются на звук.

– Босс вернулся? – хмурясь, спрашиваю у волчицы, но Лори продолжает рычать, опускает голову, выгибает спину, так что шерсть вдоль позвоночника встаёт дыбом и становится передо мной, что значит – нет, босс не вернулся. Шумел кто-то другой. Или... что-то другое.

Железная дверь по правую сторону от бара распаивается и всё, что мне видно со своего места – чёрную глотку коридора.

Внезапно бросает в холод и мурашки несутся по коже. Думаю, я соврала, когда сказала, что теперь лишена чувства страха.

Пытаюсь сконцентрироваться и почувствовать энергию того, кто находится за той дверью, в том коридоре пожранном мраком. И я чувствую. Чувствую энергию заблудшего, но очень странную и слабую. А у новеньких заблудших энергетический след гораздо ярче, чем у тех, кто находится в Лимбе давно.

– Спокойно, Лори, – говорю тихо, когда волчица начинает рычать громче и медленно ступает навстречу душе показавшейся из темноты. Подумываю над тем, чтобы схватить волчицу за загривок, как котёнка, но вовремя вспоминаю, что конечности отрастают слишком долго. А бывает, и вообще не отрастают.

Худой невысокий мужчина, шатаясь, хватается руками за барную стойку, ища точку опоры, и опускает голову, так что тёмные волосы падают на лицо. Он тяжело и свистяще дышит, словно долго сюда бежал, плечи неестественно дёргаются, будто он пытается что-то с себя стряхнуть, колени дрожат и подкашиваются; заблудший сдаётся и оседает на пол.

И я совершенно не знаю, что делать.

Смотрю на входные двери, желая увидеть на её пороге Рэйвена и одновременно желая, чтобы эта Белая ворона провалилась сквозь землю и больше никогда передо мной не показывалась.

Лори продолжает медленно подступать к мужчине, а её рычание становится всё громче, всё свирепее.

На несколько жутких, долгих секунд тело заблудшего замирает, плечи опускаются, а затем, со звонким хрустом резко поднимается голова и мне в лицо смотрят два задумчивых глаза, а губы растягиваются в безумной улыбке.

Медленно встаю на ноги и отхожу в сторону, поближе к выходу из казино, а заблудший всё это время провожает меня взглядом. Брови мужчины хмурятся, губы приоткрываются, и с новым хрустом вниз отъезжает челюсть, ходит по кругу, словно он её просто разминает и с жутким щелчком становится на место.

Замираю. Потому что кем бы ни было это существо, оно только что поднялось с пола, и в этот раз ноги держат его крепко, кисти сжимаются в кулаки, губы кривятся в удовлетворённой ухмылке, а изо рта вырывается короткое хриплое слово:

– Подходит.

А в следующую секунду на меня уже одновременно летят два тела: тело Лори и тело существа с энергией заблудшего.

Лори настигает меня первой: бьёт массивными лапами в грудь, и я отправляюсь в полёт к дальним столикам. Ударяюсь лопатками о столешницу и кубарем скатываюсь на пол, вдобавок тараня затылком стену.

Слышится визг, свирепое рычание Лори сменяется жалким поскуливанием, и чёрное тело волчицы пронесится перед глазами, ударится в стену и, оставляя в ней вмятину, падает на пол и замирает.

Один удар сердца. Два. Три... Это всё, что я слышу в собственной голове.

Один вдох. Один выдох. И дыхание замирает. Горящие жаждой глаза заблудшего оказываются в сантиметрах от моего лица, пасть разевается, ударяя в нос запахом тухлятины и из глотки вырываются клубы чёрного непроглядного дыма. Они тянутся ко мне, как скользкие змеи, пока руки заблудшего стальными клешнями впиваются в мои плечи. Клубы дыма тянутся к у лицу, так что всё меркнет перед глазами, и делают рывок вперёд.

Боль вспышкой пронзает тело, а серебристые блики зеркального шара вихрем проносятся перед глазами, когда понимаю, что куда-то лечу, а ко мне навстречу стремительно движется лакированная барная стойка.

Удар приходится по рёбрам, так что лёгкие сжимаются и с каркающим звуком выплёвывают на свободу драгоценные остатки кислорода. Грудой камней падаю на пол, переваливаюсь на бок и дрожащими пальцами пытаюсь нащупать дыру в теле, если в нём вообще должна быть дыра.

– Ну давай! Чего ждёшь?! – раздаётся знакомый голос, и мой затуманенный от боли взгляд находит белое пятно у дальней стены – волосы Рэйвена. Он держит заблудшего за глотку, вжимает в один из круглых столиков и что-то яростно требует, пока изо рта мужчины не вылетает безумный смех, а следом за ним на свободу вырываются клубы чёрного дыма, настолько густого и ясного, что кажется, его можно сжать в ладони и он не развеется.

Наконец лицо Рэйвена озаряет удовлетворение, и в его тело острыми стрелами вонзаются длинные чёрные щупальца, пробираются внутрь разрывая на лоскутки тонкую ткань футболки и оставляют на коже тёмные пятна.

На миг кажется, что всё происходящее просто мерещится.

Какое-то безумство... Сплошное безумство!

Хватаясь пальцами за ножку барного стула, подтягиваюсь и принимаю сидячее положение, не сводя потрясённого взгляда с Рэйвена и с тела заблудшего, которое тряпичной куклой съезжает со столика и чернеет на глазах.

Пытаюсь подняться.

Не в состоянии держаться прямо из-за переломанных рёбер бреду к Рэйвену и даже рычание волчицы, которая шатается не меньше моего, не останавливает меня, пока острые зубы не вонзаются в ногу и я не падаю на колени.

– Что это за чертовщина? – игнорируя волчицу, во все глаза смотрю на Рэйвена и на то, что с ним происходит.

Его футболка разодранными лоскутами валяется на полу, а на обнажённой спине один за другим, словно кто-то выводит их невидимой кистью, появляются тонкие чёрные круги.

Челюсти Рэйвена сжимаются, а губы бледнеют – с такими усилиями он пытается заставить себя молчать. Ему больно. Больно! Вижу это так ясно, как волчицу с окровавленными зубами перед собой.

Ладони Рэйвена упираются в стену, а голова опускается. Мышцы спины вздуваются и перекачиваются под гладкой кожей, вены тугими жгутами перетягивают руки, бицепсы стонут. А я как замороженная смотрю на идеально ровные чёрные круги, тонкой спиралью вырисовывающиеся на спине Рэйвена.

– Твою мать... – Обычно я не ругаюсь, но это именно тот случай. – Отметка «спиралевидного солнца». Кто ты такой, чёрт возьми?..

Белая ворона падает на пол и приваливается спиной к стене. Тяжело дышит, так что широкая грудь парусником вздувается. Отбрасывает в сторону налипшие на лицо волосы и смотрит на меня из-под бровей, затем на музыкальный автомат, продолжающий играть рок, затем снова на меня и вдруг ухмыляется:

– Потанцуем?

Глава 11

Отметка «спиралевидного солнца». Так это все-таки, правда? Слухи о Рэйвене – не ложь? Кому-то уже выпадало на свою голову видеть этот момент? Чёрную спираль на спине и что-то вроде поглощения дымящейся субстанции?.. Смутно верится, что кто-то видел это своими глазами и начал распускать слухи. Разве этот заблудший не должен был умереть на месте?..

Эта отметка – такая редкость, что мало кто вообще в неё верит. Как только не называют её обладателей: поцелованные смертью, послы смерти, дважды побывавшие в Лимбе души. Я только слышала о них, чему была рада. А ещё о них говорят, что обладатели «спиралевидного солнца» имеют некую особую связь с Лимбом, будто бы само это место выбрало их для какой-то особой роли, или работы. Будто бы такие заблудшие уже не просто души – они нечто гораздо большее, практически воплощение самого Лимба. Ну или – его рабы, так ещё говорят.

Не знаю чему верить. Сейчас могу верить лишь тому, что видели мои глаза, и этого было более чем достаточно, чтобы ещё часа полтора молча собираться с мыслями.

Кто он такой, этот Рэйвен? И что же на самом деле означают круги на спине, которых даже древние, и те, побаиваются?..

Мы всё ещё в казино, которое теперь разгромлено в хлам. Я всё ещё сижу на одном из кожаных диванчиков, подальше от высохшего трупа заблудшего. Ко мне всё ещё приставлена Лори, уже дважды попробовавшая мою лодыжку на вкус, и я всё ещё смотрю на барную стойку... за которой сидит Рэйвен и откупоривает уже третью бутылку.

У меня сломаны рёбра, которым нужно минимум часа три, чтобы срастись. У меня сводит желудок, потому что тело просит есть. А в моей голове куча вопросов, на которые, как я думаю, никто не собирается отвечать.

– Почему его тело не разрушается? – наконец выбираю наиболее безобидный и озвучиваю, глядя на труп заблудшего. – Разве душа не должна отправиться на перерождение, а тело исчезнуть?

– Должна, – не сразу подаёт хриплый голос Рэйвен, сидя ко мне спиной, которая уже вновь стала чиста и как белый холст. – Когда она есть.

– И что стало с его душой?

– Сожрали, – нехотя отвечает, опрокидывая очередную стопку.

– Кто? – спрашиваю неуверенно, но ответ звучит сразу:

– Анафема, кто ещё.

Так... так та тварь, что я видела и есть анафема?

Ладно. Но разве...

– А разве она сейчас не в тебе?

– А где ещё ей быть?

– И тебе не хочется... проплеветься, например? Ну, или что там надо сделать, чтобы избавиться от неё?

Плечи Рэйвена вздрагивают от холодного смешка, и он соизволяет развернуться ко мне на стуле.

– Избавиться?.. Я только что поймал её, зачем мне от неё избавляться?

Хмурюсь, ничего не понимая.

Рэйвен отправляет в рот очередную стопку и его чёрные глаза уже прилично блестят от выпитого алкоголя. Опыянение будет длиться не долго, но этого времени может вполне хватить, чтобы раскрутить его хотя бы на какие-то ответы.

– Тыловишь анафем? – пытаю удачу.

– В точку! – щёлкает пальцами, наливает очередную стопку, но осушать не спешит.

– Таких, как я.

– Таких, как вы все, – бросает с омерзением. – Та тварь сожрала душу вон того заблудшего, – кивает в сторону, – и поселилась в его теле. А как только тело начало гнить, твари понадобилось новое вместилище.

– А где новенький из этого сектора?

Рэйвен простодушно пожимает плечами и осушает стопку:

– Я его убил.

– Что?!

– Что?! – пародирует меня Рэйвен, глядя раздражённо. – Анафема ждала новенького в этом секторе, чтобы засесть в свежем теле. Я нашёл этого новенького и убил. Проблемы?

Несколько раз моргаю, принимая услышанное, как факт. Но тут до меня доходит!

– Так я была приманкой! – складываю руки на груди и невесело посмеиваюсь. – Оставил со мной волка, врубил музыку, сам в это время отправил на перерождение новую душу, чтобы по всему сектору за анафемой не мотаться, а потом вернулся сюда, потому что знал, где теперь эта тварь будет искать новое тело. Так? Ловушку для неё устроил?

Рэйвен щурит глаза и прочищает ухо, словно ему в него кто-то долго пищал. Затем вытаскивает из-за стойки вафельный батончик и кидает мне:

– На. Закрой рот чем-нибудь.

– Значит, моё тело анафеме подходило? – продолжаю допрос, ведя к главному.

– Вполне.

– Вполне? – невесело усмеиваюсь. – А разве я не такая же? Разве и я – не анафема? Или это что-то вроде «Подвинься, вместе в одном теле веселее будет»?

Рэйвен замолкает, проводит языком по нижней губе и смотрит так, будто я самое тупое существо на свете:

– Ты сейчас меня доконать пытаешься?

– Я пытаюсь сказать, что моя душа цельная. Открой глаза!

И вновь смотрит тем же взглядом. Трясёт головой и опрокидывает новую стопку, со звоном ударяя ею по стойке.

– Дальше что? – спрашивает неохотно. – Цельная она... Отпустить тебя предлагаешь?

– Почему ты вообще от меня до сих пор не избавился, если я такая же тварь, которая теперь сидит в тебе?!

– Во мне много таких тварей.

– Ладно! – всплескиваю руками. – И почему я ещё не в тебе?!

– Было бы логичнее, если бы этот вопрос задал тебе я, – гадко усмеивается и тянется за очередной бутылкой.

Пошёл к чёрту.

Игнорирую.

– Я цельная душа. У меня нет Осколков. У меня нет анафемы, которая появилась в благодаряду раздвоению души. Потому что и раздвоения никакого не было, – говорю спокойно, и Рэйвен смиряет меня взглядом, который означает, что лучше бы мне уже заткнуться.

– Мори сказала, что моя душа не разбита, – играю с огнём и не успеваю проследить взглядом за его движениями, как лицо Рэйвена уже оказывается перед моим, его руки – на моих плечах, а моя спина всё сильнее и сильнее вжимается в спинку дивана.

– У меня рёбра сломаны, – шиплю сквозь зубы; от боли искры сыплются из глаз.

– Если не заткнешься, наконец, я тебе ещё и язык вырву, так что будешь харкаться кровью до самого чистого сектора.

Угроза меня не пугает, так что замираю вовсе не от страха.

Чистый сектор – вот, что вынуждает замолчать. Сектор, где можно навсегда уничтожить душу.

– Ты – изуродованная душа награждённая проклятием, – шипит мне в лицо, и в нос ударяет терпко-сладкий запах алкоголя. – Ты – не Осколок, как та анафема, которую я только что проглотил. Моя душа – хранилище для анафемных Осколков. Хранилище для «ключей», которые приводят меня к своим «замочным скважинам». Те твари, что сидят во мне – «ключи». А такие, как ты, анафема, – их «замочные скважины». Осколки уже обречены и больше не навредят Лимбу, потому что им не выбраться из меня, а вот от таких, как ты, избавиться навсегда можно только в одном месте...

– В чистом секторе, – выдавливаю из себя, и губы Рэйвена в отвращении кривятся.

И это было логично, даже не задаваясь вопросом о том, кто вообще этот Рэйвен такой. Он находит Осколок разбитой души, поглощает его и с его помощью каким-то образом выходит на ту часть, которая обзавелась материальным телом и которую заблудшие прозвали прокажённой. И мне бы всё было понятно, будь моя душа действительно раздвоена и по этой причине меня нашёл палач Лимба, но ведь это не так! У меня нет Осколка!

– Зачем Анафемы поглощают души заблудших? – решаю идти до конца и будь что будет с моими рёбрами.

– Зачем? – вкрадчиво шипит Рэйвен, склоняясь всё ниже над моим лицом, так что приходится вдавливать затылком в спинку дивана. – Потому что эти твари пожирают души заблудших и в последнее время вообще страх потеряли. Потому что эти твари вживаются в тела проводников, получают доступ к окнам и разрушают мирные сектора, пользуясь силой мысли идеального заблудшего. Потому что эти твари своим присутствием наводят хаос в Лимбе, жрут не только заблудших, но и активную материю за счёт которой всё здесь держится, и я уничтожу их всех... всех до единой, даже если у одной из этих тварей окажется цельная душа вроде твоей.

Пальцы удавкой сжимаются на моём горле, скользят выше и с силой впиваются в щёки, так что рот приоткрывается кривой буквой «О». Начинаю задыхаться, и не только от боли в сломанных рёбрах, а в большей степени потому, что вторая рука Рэйвена скользит по моему бедру, в то время когда глаза пронзают насквозь лютой ненавистью, а губы в отвращении кривятся.

– Как... как ты меня нашёл? – выдыхаю отрывками, и пальцы Рэйвена до боли сжимают бедро. – Я видела тебя... Так ты их находишь, да?... Осколки внутри тебя становятся проводниками к основной части души? Но как ты нашёл Меня?

Руки Рэйвена ослабляют хватку и оставляют моё горло в покое. Хватает за плечи, вздёргивает с дивана и толкает в стену, нависая надо мной огромным грозовым облаком и, судя по всему, с трудом удерживает себя от желания разорвать меня на корм для Лори.

Как и тогда – в пустыне, указывает на свою шею и с презрением произносит:

– Твой Осколок оставил мне это. Твой Осколок – первая анафема отправившая меня на перерождение! Я не смог её проглотить. Она разрушила тело, но оставила след на моей душе, с помощью которого я смог найти тебя, тварь. И прежде чем мы с тобой потопаем в чистый сектор, и я отправлю тебя к самому Дьяволу, ты покажешь мне, где и в каком теле сейчас находится твой долбаный Осколок, которому придётся больше всего, как только я его найду. И не знаю, как... но ты сделаешь это, и даже твоя красивая мордашка не остановит меня, когда я буду тебя пытаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.